

Мы против вас

Автор:

Фредрик Бакман

Мы против вас

Фредрик Бакман

Медвежий угол #2

«Мы против вас» продолжает начатый в книге «Медвежий угол» рассказ о небольшом городке Бьорнстад, затерявшемся в лесах северной Швеции. Здесь живут суровые, гордые и трудолюбивые люди, не привыкшие ждать милостей от судьбы. Все их надежды на лучшее связаны с местной хоккейной командой, рассчитывающей на победу в общенациональном турнире. Но трагические события накануне важнейшей игры разделяют население городка на два лагеря, а над клубом нависает угроза закрытия: его лучшие игроки, а затем и тренер, уходят в команду соперников из соседнего городка, туда же перетекают и спонсорские деньги. Жители «медвежьего угла» растеряны и подавлены...

Однако жизнь дает городку шанс – в нем появляются новые лица, а с ними – возможность возродить любимую команду, которую не бросили и стремительный Амат, и неукротимый Бенъи, и добродушный увалень надежный Бубу.

По мере приближения решающего матча спортивное соперничество все больше перерастает в открытую войну: одни, ослепленные эмоциями, совершают непоправимые ошибки, другие охотно подливают масла в разгорающееся пламя взаимной ненависти... К чему приведет это «мы против вас»?

Фредрик Бакман

Мы против вас

Неде. Я все еще пытаюсь произвести на тебя впечатление. Просто чтобы ты знала

VI MOT ER

Copyright © Fredrik Backman 2017

Russian Edition Copyright © 2019, Sindbad Publishers Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2019.

1

Это случится по чьей-то вине

Вы когда-нибудь видели город, рухнувший в одночасье? Мы – видели. Мы станем говорить, что насилие пришло в Бьорнстад этим летом, но это неправда; насилие пришло в Бьорнстад уже давно. Потому что иногда заставить людей ненавидеть друг друга настолько просто, что никто уже не понимает, как можно относиться друг к другу как-то иначе.

Мы – маленький городок в лесу; говорят, что дороги ведут не к нам, а мимо нас. Экономика заходится кашлем каждый раз, как попытается вдохнуть поглубже, фабрика ежегодно сокращает штат, словно ребенок, который считает, что если отъесть от торта в холодильнике понемножку со всех сторон, то никто не заметит, что торт стал меньше. Если наложить одна на другую старую и новую карты города, то видно, что торговая улица и участок с надписью «Центр» съежились, словно бекон на раскаленной сковородке. У нас есть ледовый дворец – вот, считай, и все. Но с другой стороны, тут у нас говорят: а какого рожна нам еще надо?

Людям, проезжающим через Бьорнстад, кажется, будто мы живем одним хоккеем. В иные дни так и есть. Иногда приходится жить хоть чем-то, просто чтобы выжить. Мы не дураки и не жадины; о Бьорнстаде можно сказать много гадостей, но люди здесь крепкие и вкалывают дай бог. И хоккейную команду мы сколотили такую же, как мы сами. И гордились ею, потому что мы не такие, как вы. Когда городским что-то кажется слишком трудным, мы усмехаемся: «А разве должно быть легко?» Жить здесь непросто, вот почему здесь выжили мы, а не вы. Выстояли, несмотря на погоду. Но однажды случилось нечто, и мы пали.

Была тут у нас одна история, еще до этой, и вина за нее навсегда останется на нас. Хорошие люди иногда делают чудовищные вещи, думая: мы защищаем то, что любим. Мальчик, звезда нашего хоккейного клуба, изнасиловал девочку. И мы сбились с пути. Общество есть сумма наших выборов: и слово одного нашего ребенка пришлось против слова другого, и мы выбрали слово мальчика. Потому что так легче: если девочка лжет, значит, можно и дальше жить, как жили. Правда сокрушила нас – и наш город. Легко говорить, дескать, надо было поступать по-другому; сам-то небось поступил бы точно так же. Когда тебе страшно, когда надо выбирать, с кем ты, когда знаешь, что придется чем-то пожертвовать. Возможно, ты не так отважен, как думаешь. И отличаешься от нас меньше, чем тебе хотелось бы.

Это история о том, что произошло потом, начиная с того лета и до зимы. Она – о Бьорнстаде и соседнем городке Хед, о том, как соперничество между двумя хоккейными командами может перерасти в яростную борьбу за деньги, власть и выживание. Это рассказ о ледовых дворцах и всех сердцах, что бьются ради них, о людях, о спорте и о том, как одни спасают другое и наоборот. О нас, о тех, кто мечтает и дерется. Кто-то влюбится, кого-то уничтожат, мы переживем и лучшие наши дни, и худшие. Этот город будет ликовать, а потом гореть. И грянет страшный взрыв.

Некоторые девочки заставят нас гордиться ими, некоторые мальчишки вернут нам славу. Парни в красном и парни в зеленом будут драться в темном лесу не на жизнь, а на смерть. Некая машина слишком быстро пронесется сквозь ночь. Мы станем говорить, что это авария, но аварии происходят случайно, а про эту мы будем знать, что могли бы ее предотвратить. Потому что она случится по чьей-то вине.

Умрут те, кого мы любим. Нам предстоит хоронить наших детей под самыми красивыми деревьями.

2

Люди бывают трех сортов

Банк-банк-банк-банк-банк.

Самая высокая точка Бьорнстада – гора к югу от последнего дома. Оттуда видно даже большие виллы Холма, видно фабрику, ледовый дворец и скромные таунхаусы в центре, видно все, вплоть до многоквартирных домов в Низине. На этой горе стояли и смотрели вниз, на город, две девочки. Мая и Ана. Обeim шел шестнадцатый год. Трудно сказать, сдружились они несмотря на разницу характеров или благодаря ей. Одна любила играть на гитаре, другая – стрелять из ружья. Отвращение подруг к музыкальным вкусам друг друга можно было сравнить только с вялотекущим, десятилетним уже спором о том, кто лучше – собака или кошка. Прошлой зимой обеих выгнали с урока истории, потому что Мая шепнула: «Знаешь, Ана, кто был собачником? Гитлер!» – на что Ана заорала: «А знаешь, кто был кошатником? Йозеф Менгеле!»

Они вечно переругивались, неизменно обожали друг друга, и еще в начальной школе выдавались дни, когда подруги чувствовали: они вдвоем – против целого мира. А после того, что случилось весной с Маей, такими днями стали все их дни.

Июнь только-только начался. Три четверти года эти места закованы в зиму, но проходит пара колдовских недель – и вот оно, лето. Лес опьянел от солнечного света, деревья радостно качались по берегам озер, но в глазах девочек не было и следа умиротворения. Это время года было их вечным приключением; они жили в лесу и домой приходили поздно вечером, в изорванной одежде, с чумазыми лицами и детскими глазами. Теперь всему этому пришел конец. Теперь они взрослые. Потому что некоторым девочкам не приходится выбирать, хотят они взрослеть или нет. Их заставляют.

Банк. Банк. Банк-банк-банк.

На улице стоял дом, перед домом – мама. Она складывала в машину сумки своего ребенка – сколько раз сложишь сумки в машину, пока дети повзрослеют? Сколько игрушек подберешь с пола, сколько раз будешь перед сном прочесывать местность в поисках плюшевых зверушек, на сколько потерянных варежек махнешь рукой за годы детского сада? Сколько раз подумаешь, что если бы природе действительно было угодно, чтобы люди размножались, то эволюция снабдила бы нас растущими прямо из рук рожка?ми для обуви, чтобы удобнее было шарить подо всеми этими проклятыми диванами и холодильниками? Сколько часов мы простоим в прихожей, дожидаясь наших детенышей? Сколько седых волос у нас прибавится по их милости? Сколько жизней мы посвятим их единственной жизни? Много ли надо, чтобы быть хорошим родителем? Сущие пустяки: всё. Ровным счетом, не больше и не меньше.

Банк. Банк.

Там, на горе, Ана повернулась к своей лучшей подруге и спросила:

– Помнишь, как мы играли в детстве? Будто у нас есть дети?

Мая кивнула, не сводя глаз с городка.

Ана спросила:

– Тебе все еще хочется детей?

Мая едва разомкнула губы, но ответила:

– Не знаю. А тебе?

Плечи Аны вздрогнули – от гнева и горя в равных долях.

– Может быть. В старости.

– В старости – это во сколько?

– Ну, лет в тридцать.

Мая надолго замолчала, а потом спросила:

– Ты кого хочешь – мальчиков или девочек?

Ана ответила так, словно обдумывала этот вопрос:

– Мальчиков.

– Почему?

– Потому что мир кидает им подлянку иногда. А нам – почти всегда.

Банк.

Мама захлопнула багажник, сдерживая слезы. Она знала: стоит упустить хоть слезинку, и остановить поток будет уже невозможно. Как бы ни выросли наши дети, мы не хотим плакать при них. Ради них мы готовы на все; они не знают этого, потому что еще не понимают размеров безусловности. Родительская любовь невыносима, легкомысленна и безответственна. Когда они, такие маленькие, спят в своих кроватках, мы сидим рядом и внутри у нас все разрывается. Чувство собственной вины и несовершенства остается на всю жизнь, мы вставляем в фотоальбом счастливые снимки, но никому не показываем промежутков между ними, в которых хранится боль. Молчаливые слезы в темной комнате. Мы лежим, утратив сон от ужаса, представляя все, что может с ними случиться, все, во что они могут влипнуть, все ситуации, где они могут оказаться жертвами.

Мама обошла машину и открыла дверцу. Она не так уж отличалась от всех остальных мам. Она любила, она боялась, бывала сломленной, иногда ее переполнял стыд, иногда ощущение того, что ее усилий недостаточно. Она бодрствовала у кровати, когда мальчику было три года, она смотрела на него спящего и боялась всего ужасного, что может с ним случиться, – так же, как все родители. Вот только ей и в голову не приходило, что бояться надо совсем другого.

Банк.

Еще не рассвело, городок спал, широкая дорога, ведущая прочь из Бьорнстада, была пустынной, но девочки, стоявшие на горе, не спускали с нее глаз. Они терпеливо ждали.

Мае больше не снилось изнасилование. Не снилось, как Кевин зажимает ей рот, как он всем телом душит ее крик, не снилась его комната с кубками на полках, не снился пол, по которому скакали пуговицы с ее блузки. Теперь ей снилась только уходящая за Холм тропинка, ее было видно отсюда. Как Кевин бежит по ней один, а она, Мая, выходит из темноты с ружьем. Приставляет дуло к его голове; он трясется, плачет, просит пощады. Во сне Мая убивала его, каждую ночь.

Банк. Банк.

Сколько раз мама смешила своего ребенка? Сколько раз он заставлял ее расхохотаться? У нас душа переворачивается, когда наши дети в первый раз шутят нарочно, чтобы мы заметили. Шутя, они учатся манипулировать нашими чувствами. Если они нас любят, то, научившись смешить, вскоре научатся и лгать, щадить наши чувства, притворяться счастливыми. Они быстро соображают, чего нам хочется. Мы можем тешить себя мыслью, что понимаем их, но у них свои фотоальбомы и промежутки между снимками, промежутки, внутри которых они становятся взрослыми.

Сколько раз мама стояла у машины перед домом, смотрела на часы, нетерпеливо звала сына? Сегодня ей не пришлось его звать. Те несколько часов, что мать укладывала вещи, он тихо сидел на пассажирском сиденье. Когда-то такое мускулистое тело стало тощим: матери несколько недель приходилось кормить сына насильно. Пустой взгляд был устремлен в окно.

Что может мать простить сыну? Откуда ей знать заранее? Ни один отец, ни одна мать не верит, что из их маленького мальчика вырастет преступник. Мама не знала, какие кошмары мучают его по ночам, но они заставляли его с криком просыпаться. С того самого утра, когда она нашла его на тропинке, оцепеневшего от холода, оцепеневшего от ужаса. Он обмочился, на обмороженных щеках застыли слезы отчаяния.

Он изнасиловал девочку, хотя никто не смог этого доказать. Конечно, нашлись люди, которые утверждали, что он ловко выкрутился, что его семья избежала наказания. Они говорили правду. Но для его матери все было совсем не так.

Банк. Банк. Банк.

Когда машина выехала на дорогу, Мая, стоявшая на горе, поняла, что Кевин сюда никогда не вернется. Что она сломала его. Конечно, найдутся люди, которые станут утверждать, что она победила.

Но для нее все было совсем не так.

Банк. Банк. Банк. Банк.

Торопливо вспыхнули фонари торможения, мать в последний раз взглянула в зеркало заднего вида на постройку, бывшую ее домом, на следы клея на почтовом ящике – они остались от фамилии «Эрдаль», которую сдирали буква за буквой. Отец Кевина носил вещи в другую машину, один. В тот день он стоял у тропы рядом с мамой, смотрел на их сына, лежавшего в мокром от слез свитере и мокрых от мочи штанах. Их жизнь разбилась уже давно, но лишь в тот день

мама увидела осколки. Отец отказался помогать ей, пока она то несла, то волокла своего мальчика по снегу. Это было два месяца назад, и с тех пор Кевин не выходил из дома, а его родители почти перестали разговаривать. Жизнь научила мать, что мужчины определяют себя более четко, чем женщины. Ее муж и сын всегда определяли себя одним-единственным словом – «победитель». Сколько она помнила, отец всегда вколачивал в мальчика одно и то же: «Люди бывают всего трех сортов. Те, кто побеждает; те, кто проигрывает; и те, кто на них смотрит».

А теперь? Если победители не они, то кто? Мать отпустила тормоз, выключила стерео, выехала на дорогу и свернула в сторону. Сын сидел рядом. Отец сел в другую машину и в одиночестве поехал в другую сторону. Документы о разводе лежали на почте, вместе с письмом в школу, извещавшим, что отец переезжает в другой город, а мать с сыном – за границу. В конце письма мать указала свой телефон, на случай, если возникнут вопросы, но никто ей не позвонил. Этот город сделал все, чтобы забыть, что семья Эрдаля была когда-то его частью.

Через четыре часа молчания, когда они отъехали от Бьорнстада так далеко, что и лес исчез из виду, Кевин прошептал:

– Как по-твоему, можно стать другим человеком?

Она, прикусив губу, покачала головой и заморгала так, что перестала видеть дорогу.

– Нет. Но можно стать лучше.

И тогда сын, дрожа, взял ее за руку. И мать держала сына за руку так, словно ему три года, словно он повис на краю скалы. Мать прошептала:

– Я никогда не прощу тебя, Кевин. Но я никогда тебя не предаю.

Банк-банк-банк-банк-банк.

Так звучит этот город. Но понять это можно, только если здесь живешь.

Банкбанкбанк.

Девочки стояли на горе, смотрели, как машина исчезает из виду. Скоро им исполнится шестнадцать лет. Одна из них держала гитару, другая – ружье.

З

Будь мужчиной

Самое отвратительное, что мы знаем о вас, других людях, – это что мы от вас зависим. Что ваши поступки влияют на нашу жизнь. Это касается не только тех, кого мы выбираем и кто нам симпатичен; это касается всех остальных вас, придурков. Вы стоите перед нами во всех очередях, вы не в состоянии нормально вести машину, вы любители тупых телесериалов, вы слишком громко разговариваете в ресторанах, а ваши дети в детском саду заражают наших детей желудочным гриппом. Вы криво паркуетесь, крадете у нас работу и голосуете не за ту партию. А еще вы влияете на нашу жизнь. Ежесекундно.

Как же мы вас за это ненавидим.

* * *

В баре «Шкура» сидели рядом молчаливые старики. Говорили, что им лет по семьдесят, но запросто могло оказаться, что они как минимум вдвое старше. Стариков было пятеро, но воззрений у них имелось не меньше восьми. Их прозвали «пятерка возрастных», потому что на каждой тренировке бьорнстадской команды все пятеро торчали у самого бортика, врали и скандалили. А потом отправлялись в «Шкуру» и врали и ссорились уже там. Иногда они развлекались тем, что разыгрывали кого-нибудь из своей пятерки, чтобы тот подумал, что маразм подкрался незаметно. Например, меняли номер на фасаде его дома или прятали ключи, когда бывали под мухой. Однажды четверо отбуксировали машину пятого и припарковали у его дома точно такую

же прокатную – только ради того, чтобы тот с утра перепугался до смерти и подумал, что пора в дом престарелых, раз он не в состоянии самостоятельно завести свое авто. За билеты на матч они платили деньгами из «Монополии», а несколько лет назад почти целый сезон изображали, что они на Олимпийских играх восьмидесятого года, и каждый раз, завидев спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея» Петера Андерсона, заговаривали с ним по-немецки и величали его «Ганс Рампф». Директора это долго приводило в бешенство, а пятерку радовало больше, чем победа в овертайме. В городе говорили, что пятерка, похоже, уже в маразме, только это фиг докажешь.

Рамона, владелица бара «Шкура», выставила на барную стойку пять стаканчиков виски. В этом баре всего один сорт виски, зато печали – всех сортов на выбор. Старики были с «Бьорнстад-Хоккеем» во всех его взлетах и падениях. Всю свою жизнь. Этот день станет для них худшим в жизни.

* * *

Когда зазвонил телефон, Мира Андерсон ехала на работу. Мира сильно нервничала – в силу разных причин – и, уронив телефон под сиденье, выругалась, перечислив такие анатомические детали владыки ада, упоминание которых, по словам ее мужа, вгонят в краску и пьяного матроса. Когда Мира наконец ухватила трубку, женщине на другом конце понадобилась пара секунд, чтобы отстраниться от всех услышанных определений.

– Алло! – крикнула Мира.

– Прошу прощения, я звоню из «Эс-Экспресс». Вы писали нам, хотели узнать цены... – осторожно сообщила женщина.

– Из... как вы называетесь? «Эс-Экспресс»? Нет, вы ошиблись номером! – констатировала Мира.

– Вы уверены? У меня тут записано... – начала женщина, но тут Мира снова уронила телефон и спонтанно высказалась о сходстве полового органа с головой инженера, придумавшего данную модель, а когда она изловила мобильник снова, женщина на том конце сочла за лучшее положить трубку.

Думать о неведомом «Эс-Экспресс» Мире было особо некогда. Она ждала звонка от мужа, Петера, ему сегодня предстояла встреча с местными властями относительно перспектив хоккейного клуба, и страх перед последствиями этой встречи узлом затягивался у Миры в животе. Она бросила телефон на пассажирское сиденье, картинка на рабочем столе – дочь Мая и сын Лео – мигнула, и дисплей погас.

Мира ехала на работу. Но если бы она остановила машину и поискала информацию об «Эс-Экспресс» в интернете, то узнала бы, что эта фирма занимается организацией переездов. В городках, где не особо переживают о своих хоккейных клубах, написать в транспортную фирму от имени семейства Андерсон было бы безобидной шуткой, но Бьорнстад к таким городкам не относится. В безмолвном лесу можно напугать и не повышая голоса.

Мира, конечно, скоро это поймет, она женщина умная и прожила в Бьорнстаде достаточно долго. Бьорнстаду вообще есть чем похвастаться. Ошеломляющей красоты лесами, он – последний уголок нетронутой природы в стране, где политики борются исключительно за расширение мегаполисов. Приветливым, смирным, работающим населением, которое любит природу и спорт; публикой, что заполняет трибуны вне зависимости от того, в каком дивизионе играет команда; пенсионерами, что разрисовывают лица зеленым, когда отправляются на матч. Ответственными охотниками; опытными рыбаками; людьми, суровыми, как лес, и твердыми, как лед; соседями, которые всегда придут на помощь. Жизнь может взять их в оборот – тогда они усмехнутся и скажут: «А кто сказал, что будет легко». Все это – слава Бьорнстада. Но... да. Наш город известен и кое-чем другим.

Несколько лет назад один старый хоккейный тренер рассказал журналистам о своем худшем воспоминании за всю карьеру. На втором, третьем и четвертом месте были матчи, проходившие в больших городах, когда разъяренные фанаты, если им не нравилось решение судьи, швыряли на лед жестянки со снюсом, монеты и мячи для гольфа. Но на первом оказался затерянный в лесу маленький ледовый дворец, где судья однажды присудил команде гостей штрафной бросок на последней минуте матча. Когда игрок поразил ворота и Бьорнстад проиграл, судья покосился вверх, на печально известную трибуну со стоячими местами, оккупированную Группировкой. Трибуну заполняли мужчины в черных куртках, которые обычно оглушительно пели и устрашающе орали. Но после того гола с трибуны не донеслось ни звука. Группировка как воды в рот набрала.

Первым опасность осознал Петер Андерсон, муж Миры и спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея». Он бросился к техникам и за секунду до финального свистка сумел потушить свет. В темноте охранники вывели судей из дворца и тут же увезли. Чем бы все кончилось в противном случае, объяснять не нужно.

Вот почему здесь достаточно и тихой угрозы, звонка от транспортной фирмы. Очень скоро Мира поймет, почему ей позвонили.

Встреча с местными властями еще не закончилась, но кое-кто в Бьорнстаде уже знал ее исход.

* * *

У здания городской администрации всегда развевались флаги, государственный и с гербом коммуны; местные политики видели их из конференц-зала. Оставалось несколько дней до праздника середины лета, прошло три недели с тех пор, как Кевин и его семья покинули город. Этим поступком они изменили всю историю – не только ту, что будет, но и ту, что уже совершилась. Просто не все еще это поняли.

Один из политиков кашлянул, предпринял мужественную попытку застегнуть пиджак, хотя в последний раз такое было возможно с полдесятка рождественских застолий назад, и сказал:

– Мне очень жаль, Петер. Но мы пришли к заключению, что для региона будет лучше, если мы сосредоточим ресурсы коммуны на одном хоккейном клубе. А не на двух. Мы собираемся сосредоточиться на... «Хед-Хоккее». Так будет лучше для всех, в том числе и для вас, если вы не станете возражать. Учитывая... сложившееся положение дел.

Петер Андерсон, спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея», сидел по другую сторону стола. От такого удара он словно рухнул в темную пропасть, откуда едва донесся его слабый голос:

– Но мы... нам нужна помощь всего-то на несколько месяцев, а потом мы найдем еще спонсоров, коммуне достаточно выступить поручителем перед банком...

Он замолчал, тут же устыдившись собственной глупости. Разумеется, местные политики уже переговорили с банковским начальством – они ведь соседи, вместе играют в гольф и охотятся на лосей. Решение было принято еще до того, как Петер вошел в этот кабинет. Приглашая его, сотрудники администрации подчеркивали, что это будет «неформальная встреча». Без протокола. Стулья в конференц-зале были такими маленькими, что настоящим политическим тяжеловесам приходилось сидеть на нескольких сразу.

У Петера звякнул телефон; на электронную почту пришло письмо о том, что генеральный директор Бьорнстадского хоккейного клуба ушел в отставку. Петер знал почему: директору наверняка уже предложили пост в Хеде. Петеру придется держать удар в одиночку.

Местные политики по ту сторону стола ерзали, и Петер знал, о чем они думают. «Не позорься. Не проси и не умоляй. Будь мужчиной».

* * *

Бьорнстад стоит на берегу большого озера, вдоль всего берега которого тянется узкая полоска пляжа. В теплое время года почти успеваешь забыть, что зима в Бьорнстаде длится девять месяцев; летом пляж принадлежит городским подросткам. Посреди мельтешащих надувных мячей и бурлящих гормонов сидел на песке двенадцатилетний мальчик в солнечных очках. Мальчика звали Лео Андерсон; мало кто на пляже знал это прошлым летом, но сейчас его знали все. И косились на него так, будто он вот-вот взорвется. Несколько месяцев назад сестру Лео, Маю, изнасиловал Кевин, но полиция не сумела ничего доказать, и Кевин отделался легким испугом. Город разделился, большинство встало на сторону Кевина; ненависть раскалила людей настолько, что семью Лео попытались выжить из города. В окно его сестры швыряли камни с надписью «ШЛЮХА», ее травили в школе, даже созвали собрание в ледовом дворце, чтобы уволить отца Маи и Лео с поста спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея».

Потом обнаружился свидетель – мальчик, ровесник Маи, он был в доме, когда произошло преступление, – но какая разница. Полиция бездействовала, город помалкивал, взрослые девушку не поддерживали. И однажды ночью, вскоре после произошедшего, случилось кое-что еще. Что именно – никто не знал. Но Кевин вдруг перестал выходить из дома. Пошли слухи, что он повредился головой, а

однажды утром, три недели спустя, он и его родители просто уехали из города.

Лео надеялся, что теперь все изменится к лучшему. Но стало только хуже. В то лето, когда ему исполнилось двенадцать, он понял, что люди всегда предпочитают простую ложь сложной правде, потому что у лжи есть одно сокрушительное преимущество: правда должна объяснять все, что случилось, а лжи достаточно выглядеть убедительно.

Когда на том весеннем совещании Петера Андерсона оставили на посту спортивного директора (голосов за оказалось чуть больше, чем против), отец Кевина позаботился о том, чтобы Кевин сменил бьорнстадский клуб на «Хед-Хоккей». И сманил туда тренеров, почти всех спонсоров и бо́льшую часть лучших игроков юниорской команды. Когда семья Кевина три недели спустя внезапно покинула город, здесь все перевернулось, но при этом удивительным образом ничего не изменилось.

А на что Лео надеялся? Что все наконец поймут, что Кевин виновен, и станут просить прощения? Что спонсоры и игроки вернутся в Бьорнстад с повинной головой? Да прямо. В этих краях никто головы не склоняет, и многие отвратительные поступки происходят просто потому, что мы ни за что не хотим признать, что ошибались. И чем грубее ошибка, чем тяжелее ее последствия, тем позорнее кажется сдать назад. Никто и не сдал. Все в Бьорнстаде, у кого были деньги и власть, выбрали другую стратегию: перестали признавать, что когда-то дружили с Эрдалями. Пошли разговоры – сначала невнятные, осторожные, но потом все слышнее – что «этот мальчик всегда был какой-то странный», что «отец слишком давил на него, теперь-то ясно». Мало-помалу комментарии съехали на «эта семья никогда не была, как... ну, вы понимаете... как мы. Отец не местный, приезжий, ну и... влияют на него».

Когда все потянулись из Бьорнстада в «Хед-Хоккей», Кевина называли жертвой «клеветы» и «охоты на ведьм». Но теперь версия поменялась: спонсоры и игроки переметнулись в «Хед» вовсе не следом за Кевином, а потому, что захотели от него «дистанцироваться». Ведь его имя удалили из списков «Хеда», но в бьорнстадских оно осталось. В общем, у всех вдруг появилась возможность равно отдалиться и от насильника, и от жертвы, так что прежние приятели Кевина преспокойно обзывали его «психопатом», а Маю – «шлюхой». Ложь – это просто, правда – это сложно.

«Бьорнстад-Хоккей» стал «клубом Кевина» в глазах стольких людей, что «Хед-Хоккей» автоматически начал означать нечто противоположное. От родителей игроков к местным политикам полетели имейлы об «ответственности» и «небезопасности», а когда люди не чувствуют себя в безопасности, рано или поздно возникают самосбывающиеся пророчества. Однажды ночью кто-то написал на дорожных указателях на окраине Бьорнстада «Насильники!!!». Через пару дней группу восьмилеток из Бьорнстада и Хеда отправили по домам из скаутского лагеря. Причиной стала жестокая драка: ребята из Хеда скандировали «Бьорн-стад на-силь-ни-ки!» в адрес мальчишек из Бьорнстада.

Лео сидел на песке, а в пятидесяти метрах от него – бывшие приятели Кевина, крупные, накачанные восемнадцатилетние парни. Теперь на них были красные бейсболки «Хед-Хоккея». Это они писали в интернете, что Мая «сама напросилась» и что Кевин совершенно точно невиновен, потому что «к этой паскуде нормального человека палкой не загонишь». Как будто Мая просила, чтобы кого-то из них к ней загоняли, хоть палкой, хоть как. А теперь те же парни говорят, что Кевин всегда был чужаком в их компании, – они станут повторять эту ложь до тех пор, пока его имя не окажется накрепко связанным только с Бьорнстадом, а сами парни, выворачивая эту историю туда и сюда, все равно будут выглядеть героями. Они в любом случае окажутся в выигрыше.

Лео был на шесть лет моложе большинства из них, гораздо ниже ростом и слабее, но иные его приятели уже говорили, что он «должен что-то сделать». Что кое-кого из этих сволочей «стоит проучить». Что надо «быть мужчиной». Трудно быть мужчиной, когда тебе всего двенадцать. Да и в любом возрасте.

Зазвонил телефон, потом другой. На звук повернулась голова, за ней другая. Телефоны трезвонили по всему пляжу. Сначала несколько, потом все разом, рингтоны врезались один в другой, словно музыканты невидимого симфонического оркестра одновременно настраивали инструменты.

Клуб «Бьорнстад-Хоккей» прекратил свое существование.

* * *

«Это всего-навсего клуб, есть вещи поважнее». Легко так говорить, если спорт для тебя – только цифры. Но спорт не только цифры, и, чтобы это понять, достаточно задать себе один простой вопрос: что чувствует ребенок, играя в хоккей? Ответ не так уж сложен. Вы любили когда-нибудь? Вот именно это он и чувствует.

По обочине шоссе на окраине Бьорнстада бежал потный подросток шестнадцати лет. Подростка звали Амат. В автосервисе посреди леса чумазый восемнадцатилетний парень помогал отцу – приносил инструменты, складывал покрышки. Парня звали Бубу. В саду возле дома девочка четырех с половиной лет пробивала шайбу за шайбой с террасы в стенку. Девочку звали Алисия.

Амат надеялся, что однажды станет таким игроком, которого хоккей унесет отсюда дальше – вместе с матерью. Для него спорт означал будущее. Бубу надеялся на еще один сезон беспечности и смеха: он знал, что потом каждый его день будет похожим на дни его отца. Для Бубу спорт был последней возможностью поиграть.

А что же Алисия, девочка четырех с половиной лет, что посылала шайбу за шайбой с террасы? Вы любили когда-нибудь? Спорт значил для нее именно это.

Телефоны звонили. Город замер. Ничто не движется вперед быстрее, чем хорошая история.

Амат, шестнадцать лет, остановился на шоссе. Руки уперты в колени, грудная клетка с запертым в ней сердцем ходит ходуном: банк-банк-банк-банк-банк. Бубу, восемнадцать лет, вкатил в мастерскую новую машину и начал выравнивать вмятины на жестяном кузове: банк-банк-банк. Алисия, четырех с половиной лет, стояла на террасе. Перчатки были ей велики, клюшка длинна, но Алисия изо всех сил послала шайбу в стену: банк!

Они выросли в маленьком городке посреди большого леса. Вокруг было довольно взрослых, говоривших, что работы все меньше, а зимы все злее, деревья все гуще, а дом от дома все дальше, что природные ресурсы в сельской местности, а деньги, мать их так, в больших городах. «Потому что медведи срут в лесу, а остальные срут на Бьорнстад». В таких обстоятельствах детям легко

влюбиться в хоккей, потому что, когда играешь, думать некогда. Утрата памяти – еще одно благо, которое дарит нам спорт.

Но вот начали приходить эсэмэски. Амаг остановился, Бубу уронил киянку, а девочке четырех с половиной лет в следующий миг пришлось идти спрашивать, что значит «хоккейный клуб обанкротился». В ответ ей сказали: это значит, что спортивное объединение погибло. Но спортивные объединения не погибают. Они просто перестают существовать. Погибают люди.

* * *

В баре «Шкура» говорят, что двери надо держать закрытыми, «чтобы мухи не мерзли». Там и другое говорят: «Нашелся знаток хоккея! Да ты собственную задницу в штанах не найдешь, даже если сунешь обе руки в задние карманы!», «Кто бы говорил про тактику! У тебя от нее шарики за ролики заехали, как у коровы на искусственном газоне!», «Наши защитники в следующем сезоне сыграют лучше? Да ты мне на ногу насышь и скажешь, что дождик!» Но сегодня никто ни с кем не ссорился, сегодня в «Шкуре» стояла тишина. Невыносимая. Рамона разлила виски по стаканчикам, в последний раз. Пятерка возрастных – от семидесяти и выше – сказали «будем!». Пять пустых стаканчиков со стуком опустились на стойку. Банк. Банк. Банк. Банк. Банк. Старикки поднялись, вышли и разошлись в разные стороны. Позвонят ли они завтра друг другу? А зачем? О чем ругаться, если хоккейной команды больше нет?

* * *

Люди в маленьких городках о многом помалкивают, но если тебе двенадцать лет и ты в интернете как рыба в воде, то секретов не существует. Лео прочитал все. Сейчас он, несмотря на жару, сидел в кофте с длинными рукавами. Говорил, что обгорел на солнце, но на самом деле прятал царапины. Лео ничего не мог с собой поделать – он раздирал свою кожу по ночам: под ней ползала ненависть. Он не дрался, даже на хоккее, он думал, что он, как отец, неспособен к насилию. Но теперь ему хотелось, чтобы кто-нибудь начал его задирать, наехал бы на него, дал бы хоть один повод схватить первый попавшийся тяжелый предмет и расквасить всем этим рожи.

Когда человек растет, его учат: «Не ссорьтесь! Не деритесь! Братья и сестры должны защищать друг друга!» У Лео и Май был когда-то старший брат – может быть, он смог бы защитить их. Его звали Исак, он умер еще до их рождения от такой болезни, которая перечеркивала для Лео возможность существования любых богов. До семи лет Лео вообще с трудом представлял себе Исака как реального человека, а в семь лет нашел фотоальбом, где были снимки его и родителей. Как они смеялись на каждой фотографии! Как крепко обнимались, как безумно обожали друг друга! Уже не существуя, Исак в тот день поведал Лео о жизни невыносимо много. Показал, что любовь может не все. Страшно узнать такое в семь лет. Да и в любом возрасте.

А теперь Лео уже двенадцать, и он старался быть мужчиной. Что бы это ни значило. Он старался не расчесывать кожу по ночам, старался плакать тихо, сжавшись в комок под одеялом, старался ненавидеть так, чтобы никто этого не заметил и не понял. Старался придушить мысль, которая стучала ему в виски – банк, банк, банк... Братья и сестры должны защищать друг друга, а он не сумел защитить свою сестру. Он не сумел защитить сестру не сумел защитить сестру не сумел защитить сестру.

Ночью он так расчесал живот и грудь, что на коже образовалась глубокая рана, из которой медленно сочилась кровь. Утром, смотрясь в зеркало, он подумал, что рана похожа на бикфордов шнур, который тянется к сердцу. Интересно, горит ли этот шнур у него внутри. И сколько ему осталось.

4

От женщин одни проблемы

Старшее поколение называло Бьорнстад «Медведем», а Хед – «Быком», особенно когда города встречались на хоккейном поле. Так повелось много лет назад, никто уже и не помнил, когда бык появился на свитерах хедской команды – до или после того, как игроков прозвали быками. В окрестностях Хеда в то время и правда держали много скота: местность была более открытая, потому-то промышленность пришла именно туда – строить фабрики на открытой местности оказалось удобнее. Жители Бьорнстада славилась трудолюбием, но леса здесь

были гуще, и деньги стали утекать к южным соседям. Старики выражались метафорически: борьба быка и медведя – залог мирового равновесия, ведь покуда они дерутся, ни у кого не будет полной власти. Может быть, в те времена – когда работы и ресурсов еще хватало обоим городам – дела обстояли иначе. Сегодня стало труднее: всегда есть иллюзия, что насилием можно поддерживать равновесие.

Но насилие не поддается контролю. Как бы нам этого ни хотелось.

Мая была дома у Аны – в последние минуты покоя, перед тем как пришла первая эсэмэска, в последние мгновения, уместившиеся между днем, когда Кевин покинул город, и днем, когда преисподняя разверзлась снова. Три недели, на которые люди почти забыли о существовании Маи. Чудесные три недели. Очень скоро они закончатся.

Ана проверила, заперт ли оружейный сейф, потом удостоверилась, что ружья в сейфе не заряжены. Она солгала Мае, сказав, что хочет «почистить их», но Мая знала: подруга проверяет сейф, только когда ее отец срывается в очередной запой. Если охотник забывает запереть сейф или нечаянно ставил туда заряженное ружье, значит, он окончательно потерял берега. Такое случилось один-единственный раз, когда Ана была маленькой, вскоре после того, как мама бросила их с отцом; но тревога так и не отпустила Ану по-настоящему.

Мая лежала с гитарой на животе и делала вид, что не понимает, что к чему. Быть ребенком алкоголика – тяжкий крест, и Ана всю жизнь вела войну в одиночку.

– Слышь, дурында? – сказала наконец Ана.

– Что надо, чудовище, а? – улыбнулась Мая.

– Сыграй что-нибудь, – распорядилась Ана.

– Раскомандовалась. Я тебе что – крепостной музыкант? – фыркнула Мая.

Ана широко улыбнулась. Такую дружбу нельзя вырастить в теплице – такая дружба вырастает сама.

– Ну пожалуйста.

– Сама научись, ленивая ослиха.

– Мне-то зачем, дебилка, у меня ружье в руках. Сыграй, а то как пальну!

Мая рассмеялась. Когда пришло лето, они поклялись друг другу, что никто в этом сраном городе не отнимет у них права смеяться.

– И не депру какую-нибудь, – прибавила Ана.

– Заткнись, а? Хочешь слушать умцу-умцу – включи компьютер, – поморщилась Мая.

Ана закатила глаза.

– Ты не забыла? У меня РУЖЬЕ в руках! Если заведешь свои наркотреки, я пальну себе в череп, и виновата будешь ты!

Обе захохотали. И Мая стала играть самые веселые мелодии – которые, на взгляд Аны, были не такие уж офигеть веселые. Но ей в то лето выбирать не приходилось.

И тут музыку прервал двойной короткий писк двух мобильных телефонов. Потом еще два сигнала, и еще два.

* * *

Нагрузка у спортивного директора хоккейного клуба не на полный рабочий день. А на три полных дня, которые надо уместить в один. Порой Мира, жена Петера, не в силах сдержать раздражения, говорила: «У тебя две жены: хоккей и я». Она не добавляла, что половина всех браков заканчивается разводом, – зачем?

Для снижения общего градуса местные политики, собравшиеся в конференц-зале, настаивали, что «речь всего-навсего о спорте». Петер внушил себе, что

политика и спорт никак не связаны, но это была величайшая ложь. Они связаны, но, когда политика играет нам на руку, мы называем это сотрудничеством, а когда она на руку другим, то коррупцией. Петер посмотрел в окно. Перед зданием городской администрации всегда развеваются флаги, чтобы засранцы, которые здесь окопались, знали, откуда дует ветер.

– Коммуна... мы... было принято решение о том, что мы будем бороться за проведение у нас чемпионата мира по лыжным видам спорта. Бьорнстаду и Хеду предстоит сотрудничество, – сообщил один из политиков.

Он старался выглядеть авторитарным, что нелегко, если одновременно подбираешь крошки от маффина, которые насыпались изо рта в карман пиджака. Все знали, что этот политик уже много лет пытается финансировать строительство конференц-отеля, и лыжный чемпионат – его шанс. По чистой случайности зять этого политика как раз работал в Ассоциации лыжных видов спорта, а жена руководила фирмой, которая организовывала выезды на охоту, а также «курсы выживания в лесу» для богатых столичных предпринимателей, которые вряд ли бы выжили без мини-бара и спа-процедур.

– Мы должны подумать об имидже края, Петер, – встрял другой политик. – Налогоплательщики волнуются. Весь этот негатив в СМИ нагнетает нервозность...

Он говорил так, будто вся проблема в нервозности. Как будто проблема не в самой ПРОБЛЕМЕ. Он налил Петеру кофе – человек с другим характером, возможно, запустил бы чашкой в стену, но насилие Петеру было чуждо. Он не дрался даже на льду, когда еще сам играл в хоккей. Собравшиеся втайне презирали его за это, с каждым днем все больше.

Они знали, что слабость Петера – в его чувстве ответственности. Петер считал себя в долгу перед городом. Хоккей дал ему все, и спортивному директору не ленились об этом напоминать. Как было написано на стене в раздевалке ледового дворца, «кому много дано, от того многого ждут».

Третий политик, льстивший себе мыслью, что он «называет вещи своими именами», сказал:

– У Бьорнстада нет юниорской команды, да и основной, считай, тоже! Вы упустили всех лучших игроков и почти всех спонсоров. Мы обязаны думать о налогоплательщиках!

Год назад местная газета задала этому самому политику острый вопрос насчет планов коммуны финансировать постройку нового, дорогущего ледового дворца. И он без колебаний ответил: «Знаете, чего хотят налогоплательщики Бьорнстада? Они хотят ходить на хоккейные матчи!» Каких бы взглядов ты ни придерживался, вали все на них. На налогоплательщиков.

Деньги попадут в те же карманы, только теперь карманы перебрались в Хед. Петер и возразил бы, да крыть было нечем. С муниципальными ассигнованиями на спорт коммуна мухлевала всегда, как явно, назначая «пособия», так и скрыто – под видом «займов» и «дотаций». Например, «арендовала» парковочные места возле ледового дворца, хотя территория принадлежала самой коммуне. Или снимала ледовый дворец, «чтобы покататься на коньках могли все желающие», которые, конечно, спали и видели, как бы покататься на коньках по средам с двух ночи до пяти утра. Один член правления клуба оказался по совместительству членом совета директоров управления коммунальной недвижимостью и вынудил это управление приобрести дорогой «спонсорский пакет» на хоккейные матчи, которые так и не были сыграны. Петер это знал. Старое руководство хоккейного клуба всегда было коррумпированным; Петер поначалу возмущался, но потом поневоле принял «правила игры». В маленьком городке спорту без поддержки коммуны не выжить. Поэтому Петер и не мог кричать о «махинациях»: политики знали ровно то же, что и он сам.

Они решили расправиться с клубом. И хотели только удостовериться, что он, Петер, будет держать язык за зубами.

На красных бейсболках накачанных восемнадцатилетних парней красовался атакующий бык. Парни занимали на пляже все больше места, расширяли границы, чтобы посмотреть, кто осмелится их остановить. Лео ненавидел их бессильной ненавистью.

Когда Кевин уехал из города, история зазвучала по-другому, но его бывшие приятели быстро приноровились к новой правде. Нужен был только другой лидер. Им и стал Вильям Лит, форвард первого звена и бывший сосед Кевина, предложивший парням ту версию, которой они желали. Он слышал, как родители месяцами повторяли за кухонным столом: «Это мы – жертвы, это у нас

украли победу в финале. Если бы Кевин вышел на лед, мы бы победили! Но Петер Андерсон развел политику! А потом попытался возложить на НАС вину за то, что тот психопат изнасиловал эту шлюху, хотя мы-то уж тут никаким боком! А почему? А потому, что Петер Андерсон всегда нас ненавидел. Все ему в рот смотрят, типа звезда НХЛ и моральный авторитет, но отстранили бы Кевина от финала, будь это не дочка Петера, а? Если бы изнасиловали кого-нибудь из наших сестер, вызвал бы Петер легавых к Кевину прямо в день финала? Лицемер! Кевин – просто повод, Петер не хотел, чтобы парни с Холма играли в «Бьорнстад-Хоккее», и знаете почему? Потому что некоторые из нас имели несчастье родиться в состоятельных семьях. А Петеру Андерсону с его комплексом морального превосходства это кажется недостойным!»

Слова родителей звучали у Вильяма в ушах. Каждый сезон его мать, Магган Лит, раздражалась, что клуб ставит на ключевые позиции ребят из бедных районов, а когда приходит пора оплачивать счета, ждет, что раскошелятся родители с Холма. «Когда людям надоест оплачивать социальные прожекты Петера Андерсона?» – шипела она направо и налево, узнав, что клуб открывает хоккейную школу для четырех-пятилетних девочек.

И вот теперь Вильям орал на пляже:

– Они хотят открыть девчачий клуб!

Слова были понятными и потому действенными. После того, что совершил Кевин, все в команде Лита чувствовали двусмысленность и уязвимость своего положения. Так значит, Петер Андерсон их ненавидит? Отличная новость. Ненавидеть того, кто уже ненавидит тебя, всегда проще.

* * *

Петер оглядел сидевших за столом. От него ждали, что он примет происходящее «как мужчина», но он больше не знал, каким мужчиной видят его политики. Мальчиком, который вырос в «Бьорнстад-Хоккее»? Тем, кто двадцать лет назад стал капитаном и сделал из дышавшего на ладан заштатного клуба едва ли не лучший в стране? Профи из НХЛ, которым он стал потом? До того как его уговорили вернуться домой и стать спортивным директором, когда клуб безудержно проваливался на нижние строчки турнирной таблицы. Петер, к общему изумлению, создал в нем одну из лучших юниорских команд страны и

снова сделал маленький клуб великим. Который из этих мужчин – он?

Или он теперь просто отец? Потому что изнасиловали именно его дочь. Именно он поехал с ней в полицию в то мартовское утро. Именно он стоял на парковке перед ледовым дворцом и смотрел, как полицейский выволакивает из автобуса звезду юниорской команды, отправляющейся на свой главный матч. Петер знал, что думает любой мужчина, и здесь, и по всей стране: «Будь это моя дочь, я бы убил того, кто это сделал». Каждую ночь Петер мечтал стать именно таким мужчиной. Мечтал быть способным к насилию. Но вместо этого наливал себе чашку кофе. Потому что быть мужчиной нелегко в любом возрасте.

Один из политиков втолковывал ему то сочувственно, то снисходительно:

– Петер, ты же член команды. Мы несем ответственность за КАЖДОГО жителя коммуны. Чтобы получить право на чемпионат, нам нужен позитивный имидж. В Хеде мы построим новый ледовый дворец и откроем хоккейную гимназию...

Дальше Петер мог и не слушать. Он уже видел картину будущего, присутствовал при ее создании. Сначала ледовый дворец и хоккейная гимназия, потом торговый центр и удобные дороги к шоссе. Конференц-отель и чемпионат по лыжам с трансляцией по телевидению. А потом – как знать – может, аэропорт? Спорт – это просто спорт, пока кто-нибудь, кому плевать на спорт, не захочет на нем нажиться. И тогда спорт становится экономикой. Хоккейный клуб должен был спасти коммуну, да он ее и спасет. Только это будет не хоккейный клуб Петера.

Еще один из политиков, который мысленно уже часа два был в отпуске, всплеснул руками:

– Разумеется, мы сожалеем о... ситуации. С вашей дочерью.

Да, так они ее называли. Не «Мая», не по имени. Чтобы он подумал как следует: будь это не его дочь, дал бы Петер Кевину сыграть в финале? Политики называли это «ситуацией», а нанятые коммуной пиарщики – «скандалом». Словно дело было не в том, что девочку изнасиловали, а в том, что факт оказался достоянием гласности. Пиарщики объяснили политикам, что, когда в других поселках «происходят подобные скандалы, они негативно влияют на имидж города». Допустить подобного нельзя. И самый простой способ

похоронить скандал – это похоронить «Бьорнстад-Хоккей».

Тогда можно с гордостью отчитаться о «принятых мерах» и продемонстрировать, что в Хеде создан гораздо лучший клуб, «с другим уровнем моральной ответственности». А факт, что создали его те же самые люди, афишировать не обязательно.

– Петер, нам без конца называют чертовы журналюги. Люди нервничают! Пусть коммуна наконец перевернет эту страницу!

Как будто журналисты не звонили Петеру и его семье. Ни он, ни Мая не отвечали на их вопросы. Они поступили правильно, они держали язык за зубами, но... недостаточно долго.

* * *

Пока восемнадцатилетний Вильям Лит, пользуясь всеобщей ненавистью к Петеру Андерсону, все лето собирал команду «Хед-Хоккея», в другом уголке коммуны велись переговоры иного рода. Отец Вильяма Лита заседал в правлении гольф-клуба, он играл с директорами банков и местными политиками, но любили его не только за дружбу с богатыми людьми, но и за то, что он «называл вещи своими именами». Чтобы получить право провести чемпионат, коммуне требовалась поддержка предпринимателей, а те ясно дали понять: один хоккейный клуб, а не два. Они упирали на «ответственное финансирование» – с ударением на слово «ответственное».

И вот теперь, за несколько дней до праздника середины лета, телефоны по всему пляжу зазвонили, загудели и зажужжали одновременно. Сначала весь берег замер, а в следующий миг вся стая накачанных восемнадцатилетних парней злорадно взревела. Громче всех орал Вильям Лит. Он влез на дерево и повесил два красных флага «Хед-Хоккея», и они плеснули на ветру, точно кровь из раны посреди зелени – цвета «Бьорнстада».

Команда Лита полукругом собралась под деревом в ожидании драки. Но они были слишком крупными и слишком сильными; все, кто сидел на берегу, ходили в ту же школу, так что ссориться с ними никто не решился. Пляж перешел в полное владение Лита. Берег поделили так, как делят люди все остальные

миры: на наших и чужих.

Подростки на берегу видели этих парней, ненавидели их – но ничего не могли поделать. Те, кто любил «Бьорнстад-Хоккей», но не решался замахнуться на компанию Вильяма Литта, неминуемо должны были направить свой гнев на кого-нибудь другого. На более слабого.

* * *

Прочитав первые, анонимные эсэмэски, Мая и Ана выключили телефоны. «Все из-за тебя», «Сдохнешь, паскуда! Если клуб погибнет, ты умрешь!», «Мы и до твоего папаши доберемся!!». Ана и Мая понимали, что происходит, знали, на кого обрушатся ненависть и угрозы. Кое-кто будет думать, что в гибели «Бьорнстад-Хоккея» виновна Мая, потому что она должна была «держаться за зубы», другие станут злорадствовать – «так и надо врушке-потаскушке».

Мая ушла в ванную, и ее вырвало. Ана сидела на полу в прихожей. Она читала, что группа поддержки для жертв изнасилования называет себя «выживающие». Потому что именно этим они и занимаются изо дня в день – снова и снова выживают в том ужасе, через который прошли. Интересно, думала Ана, существует ли слово для других: для тех, кто позволил преступлению совершиться. Люди всегда готовы разбить твой мир, лишь бы не признавать, что толика вины за поступок какого-нибудь мальчика лежит и на них. Проще внушить себе, что это «отдельный эпизод», и все отрицать. Ана мечтала избить Кевина до смерти, за то, что он сделал с ее лучшей подругой, но еще больше ей хотелось разнести вдребезги весь город – за то, что он делал с Маей теперь.

Эти придурки ни за что не скажут, что «Бьорнстад-Хоккей» погубил Кевин – они будут говорить, что клуб погубил «скандал». Потому что проблема для них не в том, что Кевин стал насильником, а в том, что Мая стала жертвой. Не будь Маи, ничего бы не случилось. От женщин одни проблемы – в мужском мире.

Мая и Ана сложили рюкзаки, вышли из дому и направились в лес. Они даже не знали, куда идут. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Ана не взяла с собой ружье. Потом она об этом пожалеет.

* * *

Лео дожидался темноты, прячась на лесной опушке. Когда берег опустел, он снова прошмыгнул к озеру, взобрался на дерево и поджег красные флаги. И снял на камеру, как огонь пожирает буквы, как горит эмблема «Хед-Хоккея». А потом анонимно выложил видео в сеть – туда, где, как он знал, его увидит вся школа.

Говорят, насилие пришло в Бьорнстад тем летом, но это неправда. Оно угнездилось тут раньше. Потому что люди зависят от других людей, и мы никогда не простим этого друг другу.

5

Человек состоит из множества вещей

Молодой человек шел через лес, голый до пояса и с рюкзаком на спине; на руке у него красовалась татуировка с медведем. Адвокат, хорошо одетая женщина, сидела у себя в кабинете, перед ней на столе стояли фотографии мужа и детей. Ей снова только что позвонили из транспортной фирмы; адвокат не понимала почему. А по шоссе ехал на джипе некто, в бардачке у него лежал список имен.

Мобильники вибрировали у всех. Петер Андерсон еще сидел на собрании в администрации, а политики уже слили новость о том, что «Бьорнстад-Хоккей» – банкрот. Высокооплачиваемые консультанты по связям с общественностью объяснили муниципалам, что «историю» надо «держат под контролем».

Молодой человек в лесу, адвокат в своей конторе, некто на джипе – все они возьмут в руки телефоны. Новость дотянется до всех.

* * *

Каждый человек состоит из множества вещей, но в глазах других людей мы бываем, как правило, лишь чем-то одним. Мира Андерсон – адвокат, закончившая два иностранных университета, в Бьорнстаде оставалась «женой Петера Андерсона». Бывали дни, когда она сама ненавидела себя за то, что ее это так бесит. За то, что ей мало быть чьим-то человеком.

Сейчас Мира обедала за письменным столом, в окружении розовых стикеров со списками дел, и желтых, напоминавших о том, что надо купить и какие дела можно переложить на других членов семьи. У компьютера стояла фотография Лео и Май. Под их взглядом Миру мучила совесть и замучила бы до смерти, если бы не внезапный топот в коридоре.

Тут Мира почти улыбнулась, хотя все лето жила в аду. Она точно знала, кто сейчас ворвется в кабинет. Во-первых, кроме нее самой, на рабочем месте за несколько часов до праздника оставалась единственная коллега – такой же трудоголик. Во-вторых, когда коллега входила, дверь никогда не открывалась – она распахивалась так, что грохала о стену. Ростом под метр девяносто, коллега была такой громогласной, будто и в ширину имела примерно столько же. Проигрывать она не умела как никто: если кто-нибудь из сотрудников принимался жаловаться, она обычно отвечала: «Заткнись и выстави счет!» Сейчас она, как обычно, завела разговор с середины фразы, словно Мира сама виновата, что пропустила начало:

– ...и тут выясняется – пиццерия ЗАКРЫТА, Мира! «Мы в отпуске».

Представляешь? Это что за люди такие, которые, работая в ПИЦЦЕРИИ, уходят в отпуск? Пиццерии, по идее, относятся к жизненно необходимым учреждениям, вроде... поликлиники... пожарной команды или... обувных магазинов! К тому же я собиралась переспать с этим, который за кассой, у него всегда такой грустный вид, а таким грустилам в постели нет равных! Ты что ешь? Там еще осталось?

Мира вздохнула так, словно собралась задуть свечи на последнем в своей жизни именинном торте. Достала пластиковый контейнер с едой. Коллега изобразила, что ее сейчас вырвет.

– Настоялся как следует, – прокомментировала Мира.

– Это что вообще? – простонала коллега.

Мира рассмеялась. Смех вырвался невольно, и тем чудесней он был. Мгновение привычной жизни длиной в несколько секунд. Пищевые пристрастия коллеги были подростковые: ее интересовал не вкус еды, а размер порции. Меню она читала, словно декрет об объявлении войны. Мира сделала ободряющий жест вилкой:

– Это называется «салат», представь себе. Как мясо, только не надо никого убивать. На, попробуй!

Коллега попятилась:

– Ни за что в жизни. Воняет, будто ты его вытащила у покойника из задницы.

– Ну СЛУШАЙ! – с отвращением выдохнула Мира.

– А что? – удивилась коллега.

– Ты как дитя малое!

– Это ТЫ дитя малое! Заткнись и выстави счет! – проворчала коллега и тяжело плюхнулась в кресло, словно упала туда с потолка.

Мира уже собралась ей ответить, когда зазвонил телефон. Мира думала, что это Петер, но на другом конце раздался бодрый голос:

– Это Мира Андерсон?! Я звоню из транспортно-экспедиторской фирмы Джейсона, мы получили заказ на ваше имя, на пятьдесят новых коробок для переезда, можно оставить их у вас в саду?

Последних слов Мира уже не слышала. Она увидела, как коллега открыла крышку своего ноутбука, что-то прочитала и побелела, а в следующее мгновение в телефоне Мира звякнула эсэмэска.

* * *

Петер встал со стула. Большинство политиков не стали унижать его рукопожатием – просто вышли. Но один из них задержался и уронил с фальшивым великодушием:

– Весной вы добились впечатляющих результатов с юниорской командой. Это было потрясающе. Наши парни, из нашего городка, бросили вызов гигантам. Если бы только они... победили. Тогда, может быть... ну, вы понимаете.

Петер понимал. Слишком хорошо. В спорте, где сказки о Золушке находятся на грани вымирания, где хоккейные гимназии больших клубов высасывают, как пылесосом, таланты из клубов маленьких, «Бьорнстад» изо всех сил дрался за родной край. Они добрались до финала, но финальную встречу сыграли без своей самой яркой звезды. Они, можно сказать, победили... почти. Но «почти» не считается.

Бьорнстад – город хоккейный, здесь людям внушают философию: «таблица не лжет». Ты или лучший, или как все, а лучшие не ищут оправданий, они ищут, как победить. Всеми возможными способами, любой ценой. Говорят даже о «ментальности победителя», потому что им присуще нечто, чего недостает другим: особые мозги, которые принимают как данность, что ты родился быть героем. Когда в последние секунды решается исход матча, победитель стучит клюшкой о лед и кричит товарищам по команде, чтобы ему пасанули, потому что победитель не просит шайбу, он ее требует. Когда тысячи людей на трибуне вскакивают и режут, когда команда отступает в смятении – победитель делает шаг вперед. Вот что такое ментальность победителя. Каждый мечтает стать лучшим, оказаться в числе тех немногих, кто забьет последний гол в последний, решающий момент сезона, но лишь единицы сумеют воспользоваться шансом, когда на кону стоит... все. В этом и состоит разница между победителем и всеми остальными.

Лет двадцать назад у основной команды Бьорнстада появилась возможность стать лучшей в стране. В течение всего сезона люди в городе и окрестностях повторяли: «Бьорнстад против всех!» Столичные журналисты уже сбросили его со счетов, высокооплачиваемые соперники не принимали его всерьез, но, когда они приехали в Бьорнстад, когда автобус миля за милей углублялся в лес, когда они вошли в облезлый ледовый дворец и оказались лицом к лицу с трибунами, которые превратились в ревущие зеленые стены, окружившие их со всех сторон, – гиганты дрогнули. Ледовый дворец в тот сезон был крепостью, в него маршем входил весь город, команда играла, спиной чувствуя, что за ней стоит весь край. И наплевать, что деньги – у больших клубов, потому что хоккей в тот сезон был здесь. «Бьорнстад против всех».

Но последний матч играли на чужой площадке, в столице. В последние секунды шайбу получил Петер Андерсон. Далеко в лесу остался маленький город, чья жизнь и смерть легли теперь на крюк его клюшки, не говоря уже о судьбе самого клуба. В хоккее разница между элитой и всеми остальными астрономическая, обитатели верхних строчек в серии получают все деньги от

телетрансляций и всех спонсоров-миллионеров, а тем, кто внизу, приходится усвоить, что «всегда побеждает лучший». Так что, когда шайба оказалась у Петера, это было больше чем бросок, больше, чем игра; у маленького города появился шанс сокрушить великана. Это был поразительный сюжет. Настал тот единственный вечер, когда после всего дерьма, которого нахлебались жители лесного города, Бьорнстад наконец почувствовал: настало его время. Именно такая сказка и заставляет любить спорт: сказка о том, что большие и богатые побеждают НЕ ВСЕГДА.

Петер послал шайбу в ворота. И промазал. Город задержал дыхание, да так и не смог вздохнуть снова. Раздался финальный свисток, противники победили, на следующий сезон «Бьорнстад» вылетел из высшей лиги, да так и не сумел в нее вернуться.

Петер перешел в НХЛ, стал профессиональным игроком, но получил травму. Мечта о карьере развеялась. Потом он вернулся домой и несмотря ни на что создал юниорскую команду, ставшую лучшей в стране. Почти.

...Политик в дверях пожал плечами:

– Победа все исправит, Петер.

С таким же успехом он мог сказать то, что думает: «Никакой ты не победитель, Петер. Потому что победитель побеждает. Мы знаем, что такое победитель». Победитель забьет последнюю шайбу. Победитель не путает то, что происходит вне ледовой площадки, с тем, что происходит на ней. Победитель не попросит полицию вытащить звезду команды из автобуса, в котором команда едет на самый главный матч. Победитель знает: в этой коммуне победа исправит все, а второе место ничего не изменит.

Политик равнодушно похлопал его по плечу:

– Ну-ну, Петер, может, это хорошая возможность? Шанс попробовать себя на другой работе? Подольше побыть с семьей!

Петер хотел попросить его убратся к черту, но вышел из здания администрации молча. Остановился у крыльца, согнулся над клумбой, убедился, что никто из этих засранцев его не видит, и его вырвало.

Зазвонил телефон. Мира. Петер понял, что слухи уже поползли по городу, но у него не было сил ответить. Он не хотел слышать разочарование в голосе жены и боялся, что она расслышит слезы в его голосе. Жена позвонила еще, потом еще, и в конце концов Петер выключил телефон. В хоккейном клубе он прожил всю жизнь и теперь понятия не имел, как будет жить без этого проклятого клуба. Петер сел в машину и тронулся с места, вцепившись в руль так, что кровь потекла из-под заусенцев.

* * *

Неизвестное лицо сидело в джипе. Молча, внимательно следило за дорогой через солнечные очки, основательно затягиваясь и выпуская в окно клуб за клубом сигарного дыма. Джип, припаркованный в тени под деревьями, был ржавым и незаметным, никто не обратит на него внимания. В бардачке лежал список имен, на верхней строчке значилось «Петер Андерсон». Когда Петер сел в машину, джип поехал следом за ним.

6

Если войны нет, они сами ее начинают

В лесу восемнадцатилетний мужчина снял рюкзак, бросил его на траву и залез на дерево. Лето сделало его длинные волосы светлее, а кожу вокруг татуировки с медведем – темнее. Мужчину звался Беньямином, но так его звали только мать и сестры, для всех остальных он был Беньи. Люди с таким именем редко отличаются хорошим поведением, и с самого детского сада мальчику прочили не тюрьму, так кладбище. В этом смысле хоккей и спас его, и стал злым роком: на льду худшие черты характера Беньи вызывали восхищение. Кевин был звездой, Беньи – его защитником. Они были как братья. Кевина город обожал, а кулаки Беньи – боготворил, и старую шутку «я пошел поглядеть на драку, а она переросла в хоккей» в Бьорнстаде рассказывали про него.

Когда Кевина обвинили в изнасиловании, город был потрясен, но едва ли не большим потрясением стало то, что Беньи принял сторону Май Андерсон и

выступил против побратима. Он не перешел в «Хед-Хоккей», а остался в Бьорнстаде. Беньи Ович поступил порядочно. Но зачем? Одна за другой сыпались издевательские эсэмэски от анонимных отправителей, извещая его, что клуба больше нет. Он сделал неверный выбор. У него ничего не осталось. Несколько месяцев назад он играл бок о бок со своим лучшим другом в одном из лучших клубов страны. А сейчас одиноко сидит на дереве, укуривается в хлам и готов доказать всем, кто еще сомневался: «Рано или поздно парень убьет себя или кого-нибудь еще».

* * *

Этим летом при каждом взгляде на фотографии Петера, Май и Лео на рабочем столе Мира Андерсон испытывала бездонный стыд: здесь, на работе, проще представить себе, что они – обычная, нормальная семья. А не четыре дотла выгоревших человека, которые делят дом в молчании, потому что слов не осталось.

Мая попросила родителей больше не говорить об изнасиловании. Они сидели за столом на кухне, было начало лета, и Мая совершенно будничным тоном сказала: «Надо двигаться дальше». Петер и Мира кивнули, попытались выдавить улыбку, но смотрели при этом в паркет. Надо поддерживать друг друга, нельзя же вцепиться в дочь и закричать: это НАМ надо говорить, проговаривать раз за разом одно и то же, ведь именно родителям страшно, они ощущают собственное одиночество и... эгоизм. Потому что – ну кто они? Эгоисты.

Мира знала: люди удивляются, как у нее достает сил работать, а у Петера – заниматься хоккейными делами, но на самом деле только об этом у них и получалось думать. Когда рушится мир, человек бросается туда, где он может что-то контролировать, в единственное место, где знаешь, кто ты и чем занимаешься. Все остальное слишком больно. И человек ходит на работу, прячется в ней. Так альпинист зарывается в снежную пещеру, когда начинается буря.

Наивностью Мира не страдала, но как мать все время пыталась увидеть свет в конце туннеля. Кевин уехал, психолог говорит, что травму Мая прорабатывает успешно, так что все, может быть, опять... наладится, уговаривала себя Мира. Петер встретится с муниципалами, клубу выделят деньги, и все... устроится.

И вот она только что нажала «отбой» после звонка из транспортной фирмы, в которой кто-то заказал на ее имя коробки для переезда. Тут же пришла эсэмэска от какого-то журналиста: «Хотели бы связаться с вашим мужем Петером. Нужен комментарий насчет банкротства «Бьорнстад-Хоккея». Следующая эсэмэска, от соседа, гласила: «Вы правда уезжаете??» К сообщению прилагался скриншот с сайта местной риелторской конторы: кто-то выставил дом Андерсонов на продажу. Фотографии совсем свежие. Сегодня утром кто-то топтался у них в саду.

Мира позвонила Петеру, но он не ответил. Она поняла, чего теперь ждать. Если с хоккейным клубом покончено, то какая разница, по чьей вине. Город уже начал искать козла отпущения: во всем виноват Петер. Во всем виновата Мая. Спортивный директор. Шлюха.

Мира еще раз позвонила Петеру. Еще. И еще. На последнем звонке телефон мужа оказался выключен. Коллега попятилась, когда Мира принялась лупить кулаком все, до чего могла дотянуться на своем столе. Она слышала, как трещат суставы, но продолжала бить, вкладывая в свои удары силу сотен разгневанных женщин:

БАНК. БАНК. БАНК-БАНК-БАНК.

* * *

Беньи съезжился на ветке, дым тянулся у него из ноздрей. Некоторые рассказывают, будто наркотики уносят их в небеса, но Беньи ощущал приход как море: он не летел, а плыл. Наконец-то спокойно лежал на воде. В остальное время он отчаянно барахтался, не в силах вынырнуть.

В детстве Беньи любил лето, потому что листва деревьев маскирует мальчишек, и их не видно с земли. Ему всегда было что скрывать, как любому, кто не похож на остальных, в раздевалке, где все учатся быть единым целым, кланом, побеждать вместе. Так Беньи стал тем, кто был так нужен команде: Дикарем. Его настолько боялись, что, когда он однажды получил травму и тренер отправил его на скамью до конца матча, противники так и не рискнули трогать Кевина.

Свою жесткость Беньи отчасти вырастил сам: на дерево он взбирался так, что тренер, смеясь, называл его «помесью танка с обезьяной», а когда рубил дрова у сестры в питомнике, то потом боксировал с поленницей, чтобы укрепить кулаки. Но отчасти железная твердость была в нем от рождения – та, которую не ввести в кровь и не вывести, – и это делало его непредсказуемым. В детстве его прозвали Саночник, потому что на тренировку он приезжал не на машине с родителями, а на велосипеде, к которому были прицеплены санки со спортивной сумкой. Прозвище продержалось несколько месяцев, пока один мальчик не зашел слишком далеко. Беньи явился в раздевалку с санками в руках и выбил обидчику два зуба. С тех пор обидные прозвища сошли на нет.

Сейчас он сидел на дереве не шевелясь, но внутри у него разверзся хаос. В детстве лучшие друзья – это как первая любовь: мы не хотим с ними расставаться даже на миг, такая разлука подобна ампутации. Кевин и Беньи происходили из совсем разных районов города, были считай что существами разного вида, но лед стал их танцплощадкой. У Кевина был талант, у Беньи – агрессия. Понадобилось целых десять лет, чтобы все поняли: кое-какой талант есть и у Беньи, а агрессии в Кевине гораздо больше.

Что можно простить лучшему другу? Если бы знать заранее. Однажды весенней ночью Кевин стоял, дрожа, в лесу, недалеко отсюда, и просил у Беньи прощения. Беньи тогда отвернулся и покинул его. С тех пор они больше не разговаривали.

Когда три недели назад Кевин уезжал из города, Беньи сидел на том же дереве, что и теперь. И бился затылком о ствол, все крепче и крепче. Банк. Банк. Банк. Невесомый от травы, отяжелевший от ненависти, он услышал их голоса и поначалу решил, что ему почудилось. А потом услышал снова – они приближались, он увидел их между деревьями. Мышцы напряглись.

Он сделает кому-нибудь очень плохо.

* * *

Чтобы понять, почему люди жертвуют всем ради любви, надо понимать, как они влюбились. Иногда, чтобы полюбить, не нужно почти ничего. Только время. Взрослым известно, что хоккей – это понарошку, это выдуманная игра, но, когда

человеку пять лет, сердце у него маленькое. Поэтому влюбляется оно сразу.

Мама Петера Андерсона тяжело болела, отец напивался до такой степени, что орал на своего отпрыска, словно тот оглох, и лупил, как чужого. Петер рос с голосами в голове. Эти голоса нашептывали, что он ни на что не годен, но, когда он встал на коньки, голоса затихли – в первый раз. Отнять то, что дала ему хоккейная школа, Петер не позволил никому. Настало лето, ледовый дворец закрылся. Пятилетний Петер явился домой к тренеру основной команды клуба и забарабанил в дверь.

– Когда начнется хоккей? – требовательно спросил он.

– Осенью, – улыбнулся тренер основной команды, Суне, – он уже тогда был стариком с таким круглым брюшком, что закруглял даже самые острые разговоры.

– А до нее долго? – спросил пятилетний человек.

– До... осени? – буркнул тренер.

– Я не умею определять время, – объяснил пятилетний человек.

– До осени несколько... месяцев, – промямлил тренер.

– А можно я тут подожду? – спросил пятилетний человек.

– До ОСЕНИ? – воскликнул тренер.

– А это долго? – спросил пятилетний человек.

Так началась дружба длиной в целую жизнь.

Суне никогда не спрашивал про синяки, пятилетний человек никогда про них не рассказывал, но каждый доставшийся ему удар читался в его глазах, когда мальчик бил по шайбе в садике у тренерского дома. Тренер знал: хоккей не может изменить жизнь человека. Может лишь предложить другую жизнь. Выход наверх.

Суне объяснил Петеру, что такое клуб. Клуб нельзя винить, с него нельзя требовать. «Потому что клуб – это мы, Петер. «Бьорнстад-Хоккей» – это ты и я. Лучшее и худшее в нем – это наши достоинства и недостатки». Суне учил Петера и другим вещам: тому, как воскреснуть после победы и после поражения, и тому, что более способные игроки должны вытягивать менее способных, потому что «кому много дано, от того многого ждут».

В тот первый вечер Суне отвел пятилетнего мальчика домой. Они остановились метров за триста до дома, и тренер пообещал, что если мальчишка завтра придет к нему домой, они снова будут гонять шайбу. «Точно?» – спросил мальчик. Суне протянул ему руку и сказал: «Точно. Слово надо держать, верно?» А потом старик и мальчик сели на скамейку, и старик стал учить мальчишку определять время по часам, чтобы мальчик мог сосчитать, сколько минут осталось до завтра.

Иногда, чтобы влюбиться, не нужно почти ничего. Только время. Начиная с пятилетнего возраста, Петеру Андерсону каждую ночь, год за годом снилось одно и то же: звук, с каким шайба улетает от клюшки и ударяется в стену дома:

Банк.

Мать Беньи Овича почти не говорила с ним об отце, но когда это все же случалось, она закрывала глаза и шептала: «Просто некоторые люди так устроены. Если войны нет, они ее начинают сами».

Беньи приходилось слышать, что он похож на отца, но чем? Может, скорее внутренне, чем внешне? Беньи знал, что отец страдал от боли. Однажды она стала нестерпимой, и он не выдержал. Местные охотники никогда не произносили слово «самоубийство», они говорили: «Алан взял ружье и ушел в лес». Беньи не понимал, что это было – обдуманный поступок или внезапный порыв. Примерно тот же вопрос он задавал себе, когда узнавал из новостей об одиноких мужчинах, совершивших какое-нибудь ужасное преступление: почему именно в этот день? Почему именно он, а не кто-то другой? Ты сделал выбор или просто сорвался?

Беньи знал, что скорбь и гнев могут перепрошить мозги не хуже лекарств или наркотиков. Может, в некоторых головах есть такая бомба замедленного действия: лежит там и только ждет, когда замкнется цепь. Может быть, мать права: есть такие люди, которые сами начинают войну.

С дерева Беньи видел, как Мая и Ана идут через лес. Потом он не сможет сказать, что творилось у него в душе – просто проснулся некий инстинкт. Что-то выключилось, что-то включилось. Беньи слез с дерева, подхватил с травы рюкзак, вытащил что-то и, взяв в руку, двинулся вперед.

Вслед за девочками.

* * *

Мая и Ана шли через лес без цели, и чем глубже заходили, тем медленнее шли. Они не разговаривали, заранее зная, что скажет другая. Обе усвоили: если ты не такой, как все, расти в Бьорнстаде нелегко. Ужас взросления в том, что ты однажды понимаешь: Бьорнстад – не исключение. Сволочи есть везде.

У этих девушек было мало общего: принцесса и дитя природы, музыкант и охотник. Они познакомились в детстве, когда Ана вытащила Маю из проруби. Мая тогда только-только переехала сюда, у Аны не было друзей, и они спасли друг другу жизнь. Мая бесила Ану тем, что не умела передвигаться по лесу тихо – ломилась, как лось на шпильках. Мая посмеивалась над подругой, что Ана оттого такая, что ее мама согрешила в лесу с белкой.

Но перестала так говорить, когда мать Аны уехала из Бьорнстада. Ана в ответ перестала дразнить Маю из-за ее вай-фай-зависимости. Годами они оставались ровней, но подростковый возраст всегда меняет баланс между подругами. В старших классах знания Аны о том, как выживать в лесу, утратили ценность. А как выживать в школьных коридорах, знала Мая. Однако этим летом девочки не чувствовали себя в безопасности ни там, ни там.

Ана двигалась впереди, Мая следом за ней, глядя подруге в затылок. Она привыкла думать, что Ана самый сильный и самый слабый человек из всех, кого она знала. Отец Аны снова запил – никто в этом не виноват, просто запил, и все.

Мая хотелось забрать у подруги ее боль, но с таким же успехом Ана могла забрать изнасилование из жизни Май. Они упали в разные пропасти. По ночам Май мучили кошмары, у Аны тоже имелась причина, по которой она подолгу не могла уснуть. Иногда девушка укладывалась спать с собаками: отец приходил домой поздно и переворачивал кухню вверх дном, словно громадное чудовище, сотканное из тоски и несказанных слов. Собаки в такие вечера лежали вокруг Аны кругом, защищая ее, хотя она их об этом не просила. Обожаемые звери. Отец никогда, ни на миг не поднимал руку на дочь. Но Ана все равно боялась его пьяного. Мужчины не знают своего веса, не сознают, как физически страшно, когда они просто вваливаются в дверь. Как ураган, что проносится через молодой лес, они поднимаются, пьяные, из-за кухонного стола и ломают через комнаты, не глядя, что хрустит у них под ботинками. Наутро они ничего не помнят. Пустые бутылки вынесены, стаканы тихонько помыты, в доме тишина. Никто ничего не говорит. Эти мужчины не видят опустошений, оставленных ими в душах собственных детей.

Ана обернулась; Мая взглянула на нее, слабо улыбнувшись, и подумала: «Как же я тебя люблю, debilka несчастная». Зная ее мысли, Ана спросила:

– Если будешь делать пластику, что выберешь – рыло как у свиньи или задницу как у свиньи?

Мая захохотала. Их любимая детская игра в «или-или». – Рыло. А то сяду играть на гитаре – а на хвостике будет жестко сидеть.

– Совсем больная!

– Я больная? Ты СЕБЯ послушай!

Ана фыркнула. Прошлась взглядом между деревьев.

– Окей, тогда так: быть несчастной и прожить сто лет – или быть счастливой один-единственный год, а потом умереть?

Мая задумалась, но ответить не успела. Ана крутанулась в сторону и вгляделась в заросли. Как она раньше не заметила? Привыкнув тропить и охотиться, Ана не ожидала, что преследовать могут и ее.

Под чьей-то тяжестью хрустнули сухие ветки. Девочки ушли далеко от города, встретить тут крупного зверя немудрено.

Но ветки хрустнули не под зверем.

* * *

Ледовый дворец Бьорнстада был заперт, там царила темнота. Зажигать свет Петер не стал: он и так знал, что стены уклеены пожелтевшими бумажками. Маленькие буквы, большие чувства: «Команда важнее тебя». Чуть подальше – «Мы отступаем, только чтобы взять разбег». Над этим – «Мечтай – Дерись – Побеждай!». И уже возле двери, его собственным почерком – «Мы воскреснем после победы, мы воскреснем после проигрыша. Мы воскреснем, несмотря ни на что!».

Люди, мыслящие логически, увидят в таких записках только глупый пафос, но, чтобы стать лучшим в спорте, логика не нужна – нужно быть мечтателем. Когда Петер ходил в начальную школу, учитель спросил, кем ученики хотят стать, когда вырастут. Петер сказал: «Играть в НХЛ». Он на всю жизнь запомнил, как издевательски хохотал класс, и всю жизнь положил на то, чтобы доказать: они ошибались. Логически мыслящим людям и в голову не могло прийти, чтобы маленький мальчик из Бьорнстада играл с лучшими из лучших, но мечтатель устроен иначе.

Проблема в том, что окончательно это доказать невозможно: те, кто смеется над тобой, просто отодвигают границы. Часы на стене раздевалки остановились, никто не удосужился заменить батарейку. На то, чтобы влюбиться, нужно не так уж много времени, а на то, чтобы возненавидеть, и того меньше. Хватит минуты. Спорт беспощаден, мегазвезды гаснут за те десять секунд, что отделяют раздевалку от ледового поля. Клуб, проживший больше полувека, в здании городской администрации приговорили к смерти за несколько минут. Интересно, думал Петер, снесут ли они теперь ледовый дворец, чтобы построить конференц-отель или другую фигню, о которой грезят власть и деньги. Эти люди не умеют любить, они умеют только обладать. Для них ледовый дворец – это просто стены и крыша.

Петер поднялся по трибунам, постоял в коридорчике у дверей кабинета. Сколько лет своей жизни он оставил в этом здании? Чего они теперь стоят? На стене висели фотографии в рамках – великие моменты из жизни клуба: день основания в 1951 году, легендарный сезон двадцать лет назад, когда основная команда стала второй в стране, и тот самый матч этой весной, когда юниорская команда взяла серебро. На многих фотографиях был и Петер.

Одним бешеным движением Петер смахнул их все на пол. Пробежав вдоль стены, он сорвал рамки с гвоздей. Брызнуло стекло, осколки дождем посыпались на пол, но Петер уже шел к выходу. Окна ледового дворца так и оставались темными, когда он грохнул дверь.

* * *

А из темноты трибун вслед Петеру глядело неизвестное лицо. Когда Петер завел машину, оно поднялось в его кабинет и осмотрело следы разгрома. Увидело под треснувшим стеклом старые снимки Петера, фотографии поновее, запечатлевшие юниорскую команду. Двое игроков красовались почти на каждом снимке. Отбросив стекло тяжелым ботинком, человек наклонился над старым фото: те же мальчики задолго до того, как они стали звездами города. Момент награждения, обоим лет по одиннадцать-двенадцать, они обнялись, как братья, на спинах – номер и фамилия. «9 ЭРДАЛЬ». И «16 ОВИЧ».

Лучшие друзья, обожаемый спорт и команда, за которую ты готов отдать жизнь; на что способен молодой парень, если все это отнять у него разом? Неизвестная личность тщательно обвела кружком «Беньямин Ович» в блокноте, потом спустилась на трибуны и вышла на улицу. Закурила очередную сигару. Было тепло, ветер утих, но неизвестный все равно прикрывал пламя, словно приближалась буря.

Сердца у девочек заколотились, когда они обернулись и увидели между стволов Беньи. Еще недавно он был мальчиком, влюбленным в свою хоккейную команду и лучшего друга; теперь Беньи превратился во взрослого мужчину с глазами, в которых тонули зрачки. Одна рука была стиснута в кулак, другая сжимала молоток.

Спросите в Бьорнстаде кого угодно, и вам ответят: этот мальчик всегда был бомбой.

7

Для начала – пообедать

В Хеде говорят: «Скажи незнакомому человеку, что ненавидишь Бьорнстад, – и обретешь друга на всю жизнь». Даже малые дети тут знают: важно, чтобы побеждал «Хед-Хоккей», но куда важнее, чтобы «Бьорнстад-Хоккей» провалился ко всем чертям. В этом, конечно, есть доля шутки. Трибуны кричат друг другу «ненавижу» и «убью», но это же не всерьез. До поры.

Если мы возьмемся выяснять, с чего началась эта война между двумя городами, большинство уже не вспомнит, что было раньше: горящие флаги, которые заснял и выложил в интернет двенадцатилетний Лео Андерсон, или другой видеоклип, выложенный жителем Хеда примерно в те же дни. Ибо ничто не распространяется быстрее, чем хорошая история, и те, кто вырос в Хеде, любя красную команду и ненавидя зеленую, не скрывали злорадства, узнав, что коммуна, деньги и власть перешли на их сторону.

Один хедский фанат как-то остановил одного местного политика, когда тот направлялся после работы домой, и спросил (а ответ снимал на камеру): «Что же теперь делать бьорнстадским болельщикам?» Политик, нервозная женщина средних лет, видимо, сама не понимала, что говорит. Или, наоборот, хорошо понимала. Потому что она ответила: «Ну, они ведь могут болеть за команду Хеда?»

Ночью женщина проснулась от грохота. Когда она утром вышла из дома, из капота ее машины торчал топор.

Направляясь к автобусной остановке, она прошла мимо автомобиля, в котором сидели двое мужчин в черных куртках. Им незачем было на нее смотреть. Она и так знала, что за ней наблюдают.

* * *

Бар «Шкура» находится на своем месте: посреди Бьорнстада. В кабаках такого рода всегда пахнет лучше, если в них можно курить. С годами лицо Рамоны, хозяйки бара, приобрело сходство с его половицами: жизнь оставила на нем глубокие следы вроде тех, какие оставляют стулья, если их год за годом двигать туда-сюда, а пристрастие к сигаретам породило прозвище «мамаша Мальборо». Прозвище дали ей молодые люди, для которых «Шкура» была вторым, а то и первым домом. Возраст Рамоны давно перевалил за пенсионную границу, но те, кто дорожил формой собственного носа, вслух об этом не говорили. Когда в баре появилось неизвестное лицо, Рамона как раз наливала себе обед в высокий стакан. Она удивленно вскинула бровь:

– Да?

Неизвестное лицо непонимающе оглядело пустой зал.

– Прошу прощения?

– Чем вам помочь? – прокурорским тоном поинтересовалась Рамона.

Лицо неизвестного лица венчали взъерошенные волосы, облачение состояло из спортивной куртки, джинсов и толстых носков с насаженными на них тяжелыми ботинками, какие носят люди, рассматривающие плюсовую температуру как климатическую аномалию.

– Это же бар, да?

Губы Рамоны выжидательно изогнулись.

– А то.

– Если в бар заходит посетитель, это что, неожиданность?

– Смотря какой посетитель.

Неизвестное лицо сочло замечание справедливым:

– У меня есть пара вопросов.

– Тогда вы выбрали не тот город.

Позади неизвестного лица открылась дверь. В бар шагнули двое молодых мужчин.

В черных куртках.

* * *

Сердце у Аны и Май колотилось где-то в горле. Они не считали Беньи врагом, он был одним из немногих, кто остался в Бьорнстаде, когда Кевин и прочие перебрались в «Хед-Хоккей». Но если Мая и Ана что и усвоили, так это что в здешних краях отношение к тебе может измениться за секунду. И не надо рассчитывать, что мужчина не попытается причинить тебе зло.

Беньи остановился в нескольких метрах от них; молоток медленно покачивался у него в руке. Кажется, он выжидал. Беньи никогда не был особенно мускулистым, но этим летом его тело обрело нечто иное: ауру жестокости. Ана жалела, что не взяла с собой ружья. Она видела, как Беньи играет в хоккей, и знала, что лучшим на льду и самым опасным вне его Беньи делала непредсказуемость. Никто не мог предвидеть заранее, в какой именно момент он сорвется и нанесет сокрушительный удар.

Но сейчас его руки и плечи почти не двигались. Наконец он открыл рот. Слова вышли тихими и прерывистыми: голосовые связки пробыли без работы несколько недель. Беньи с глухим стуком бросил молоток под ноги Ане:

– Вот, возьмите. У меня кое-что есть. Для вас.

До девушек не сразу дошло, что Беньи принес молоток, потому что знал: они побоятся отправиться с ним безоружными. Какая же невероятная боль – знать, что выглядишь в глазах других людей опасным животным.

* * *

Мужчины в черных куртках остановились у двери. Обычно их присутствия оказывалось достаточно, чтобы приезжие вдруг вспомнили, что у них на сегодня назначена большая стирка или сдача крови в поликлинике милях в пятидесяти-шестидесяти от Бьорнстада. В ближайшие месяцы неизвестному лицу предстояло узнать, что историй о завсегдатаях «Шкуры» имеется предостаточно, только рассказывать их – рты заболят. У этих людей не было ни символики, ни страницы в интернете; когда в Бьорнстаде проходил матч, вы бы не отличили их от других людей, направлявшихся в ледовый дворец. Неизвестное лицо узнает и то, что члены Группировки никому не позволят управлять их хоккейным клубом без своего благословения или проклятия, и сколько их, не узнаешь, пока они не станут твоими врагами. Но лицу хватало ума или глупости об этом не задумываться.

– Вы из газеты? – поинтересовалась Рамона.

Она не могла понять, почему неизвестное лицо не реагирует на ее агрессивный тон: нарочно игнорирует или это такая патология. И продолжила:

– К нам тут до вас приезжала пара журналистов, с «вопросами». Им пришлось уехать без ответов. Зато теперь они перестраховали свои дома.

Неприкрытая угроза пролетела над взъерошенными вихрами, даже не задев их. Неизвестное лицо крутанулось на барном стуле, разглядывая интерьер, – стены, увешанные фотографиями, флаги и свитера с номерами. – У вас тут, случайно, обед не подают?

Мужчины у двери не поняли, что это: скрытое оскорбление или искреннее любопытство. Но Рамона вдруг засмеялась. Она махнула рукой, и мужчины скрылись за дверью.

– Никакой вы не журналист, – объявила Рамона неизвестному лицу, склонив голову набок. И тут же снова сменила тон на недовольный: – Какого ляда тебе тут нужно?

Неизвестное лицо сцепило руки на колене.

– Для начала – пообедать.

* * *

Мира снова позвонила Петеру, и он снова не ответил. Сказать честно? Она нутром чуяла, что коммуна найдет способ повернуть дело против Петера. Он романтик, но Мира-то юрист, и она понимала: для коммуны самый простой способ похоронить скандал – это похоронить клуб.

Все они, Андерсоны – Петер, Мая, Лео и она сама, – в начале лета единодушно решили, что останутся в Бьорнстаде. Будут сражаться. Но теперь решимость Миры пошатнулась. Сколько можно выдержать в месте, которое пытается изгнать тебя, словно враждебный вирус? Если Петер лишился клуба, что у них вообще осталось?

Коллега тихонько сидела по ту сторону стола, но Мира, конечно, помнила, что та говорила о Петере. «Он зависим, Мира. Ты думаешь, что зависимость обязательно значит пьянство, наркоту или игру на бегах, но твой муж не алкоголик и не игрок. В нем сидит бес соревновательности. Он все время старается победить. Без этого кайфа он жить не в состоянии».

Сколько раз Мира лежала без сна, раздумывая, так ли это? И вот теперь она звонила, звонила, звонила. Петер наконец ответил. Злой, хотя в голосе злости не было. Ее могла расслышать только Мира. Она улавливала малейшие оттенки того, как он произносит ее имя. Мира прошептала:

– Я звонила, любимый, я... слышала, что произошло...

Петер не ответил. Она спросила:

– Ты где?

И услышала в ответ:

– На работе, Мира. На совещании. Потом поговорим.

По шуму мотора Мира поняла, что муж в машине. Он всегда так делал, проиграв матч, еще когда сам выходил на лед: садился в машину и гонял часами. Петер ни к кому не проявлял насилия – только к себе. Поэтому он уезжал в темноту, не думая, что кто-то ждет его дома, что кто-то до смерти боится, что однажды вечером зазвонит телефон, но заговорит не Петер. Что какой-нибудь полицейский спросит: «Это жена Петера Андерсона?» – и глубоко, виновато вздохнет, когда она шепнет в ответ «да».

– Я не знаю, что сказать, любимый. Это все просто... просто ужас какой-то.

– Что тут скажешь, – коротко ответил Петер.

Мира вслушалась в шум мотора, спросила себя, с какой скоростью он едет.

– Дорогой, милый, давай поговорим об этом...

– Что тут говорить? Они победили. Они хотели убить клуб, и они нашли способ.

Мира привычно задержала дыхание, словно ощущая себя виноватой.

– Я... милый, может быть... я понимаю, что мир сейчас рушится, но...

– Мира, не начинай.

– Что «не начинай»?

– Ты знаешь, о чем я!

– Я только... может, у нас наконец появилась возможность поговорить о чем-нибудь... другом.

Сколько раз она спрашивала мужа: «Когда закончится весь этот хоккей?» Сколько раз он отвечал ей – «на будущий год»? В будущем году он возьмет нагрузку поменьше, в будущем году у нее наконец появится возможность по-настоящему взяться за свою карьеру. Мира чуть не двадцать лет ждала этого будущего года. Но всегда случалось что-нибудь, что требовало внимания Петера, какой-нибудь кризис, делавший его незаменимым, а ее эгоисткой,

потому что она желала невозможного: рабочего времени. Чтобы он после работы ехал домой.

Петер сорвался. Хотя, возможно, вовсе не собирался.

– Чем мне заниматься, Мира? Домашним хозяйством?

И Мира перешла в оборону. Хотя, возможно, вовсе не собиралась.

– Не срывай раздражение на МНЕ! Я только говорю – может быть...

– Может быть – что? Этот клуб – моя ЖИЗНЬ!

Петеру было слышно только ее дыхание. Мира прикусила щеки, чтобы не закричать. Петер пытался успокоиться, мыслить разумно, попросить прощения, но его душили другие чувства, и он смог только сказать:

– Любимая, ты же понимаешь, о чем я...

Сколько лет ушло в никуда? Ради его хоккея они переехали в Канаду, ради его хоккея они переехали в Бьорнстад; сколько раз Мира думала, что уж муж-то должен ее понимать? Каждому хоккеисту важно знать, на что он способен, но с адвокатами дело обстоит так же. Когда они переехали в Бьорнстад, Мира как-то вечером выпила лишнего и прошипела правду: «Поселиться здесь – значит смириться с тем, что никогда не сможешь развернуться в полную силу». Петер решил, что она говорит о нем, и обиделся. За себя!

– Ты понимаешь, о чем я! – повторил он. Мира действительно все понимала.

Вот в чем проблема. Вся его жизнь – только хоккей. Мира нажала «отбой».

Коллега еле успела пригнуться, когда телефон полетел в стену.

* * *

Неизвестное лицо выложило на барную стойку мятую бумажку. Список имен.

– Знаете вот этих?

Старая хозяйка бара посмотрела на бумажку, не касаясь ее.

– На обед сегодня мясо с картошкой и соусом. Когда поешь, можешь ехать отсюда куда пожелаешь.

Неизвестное лицо сморщило нос.

– А без мяса что-нибудь есть?

Рамона выругалась и скрылась на кухне. Тренькнула микроволновка, Рамона вернулась и со стуком поставила тарелку на стойку. Мясо с картошкой и соусом.

– Я веган, – сообщило лицо, словно это было нечто само собой разумеющееся, а не то, за что нормально устроенному человеку нужно извиняться.

– Чего? – буркнула Рамона.

– Веган.

– В таком случае у нас сегодня картошка с соусом. – Рамона взяла нож и, точно раздраженная мать капризного ребенка, сбросила мясо с тарелки прямо на стойку.

Неизвестное лицо проследило за этим коротким процессом и спросило:

– Соус на сливках?

Рамона опрокинула в себя пиво, снова выругалась, схватила тарелку и скрылась на кухне. Вернулась она с другой тарелкой. В которой была пустая картошка.

Неизвестное лицо беззаботно кивнуло и принялось за еду. Рамона какое-то время сердито наблюдала за ним, а потом поставила рядом с тарелкой кружку

пива.

– От заведения. Хотя что-то питательное.

– Алкоголя не употребляю, – сообщило лицо.

– Я тоже, я завязала! – Рамона влила в себя еще пива и тут же, защищаясь, прошипела: – Да в нем и пяти оборотов нет! Считай, молоко!

Неизвестное лицо вроде бы собралось спросить, от какой коровы это молоко, но промолчало. Рамона налила два стаканчика виски, один опрокинула.

Неизвестное лицо к своему не притронулось.

– Это не ради градусов. Это для желудка полезно! – постановила Рамона.

Но неизвестное лицо к своему стаканчику так и не притронулось, так что утилизировать его пришлось Рамоне. С двойной пользой для желудка. Неизвестное лицо коротко глянуло на вымпелы и хоккейные свитера, развешанные по стене.

– В этом городе всегда так обожали хоккей?

Рамона фыркнула:

– Мы не «обожаем» хоккей. «Обожать» – это тебе в большие города, где попкорн и ВИП-ложи, вот там «обожают». Сегодня одно, завтра другое. У нас тут не Стокгольм.

Неизвестное лицо не выказало никакой реакции. Это сильно огорчило Рамону – она думала, что умеет раскусить любого. Неизвестное лицо доело картошку и поднялось. Положило деньги на стойку, сунуло список в карман и уже направилось было к двери, когда Рамона рывкнула:

– Почему в списке одни мужики?

Неизвестное лицо обернулось:

– А что?

– Если ты в Бьорнстаде, только чтобы спросить про хоккей, почему у тебя в списке только мужики?

Неизвестное лицо застегнуло молнию спортивной куртки.

– Не знаю. Но вы тоже были в списке.

Дверь открылась и закрылась. Неизвестное лицо протиснулось мимо мужчин в черных куртках и вышло. Рамона так и осталась стоять за стойкой в полной растерянности. Это было непривычное чувство. Да и неприятное.

8

Когда между людьми все кончено

В детстве Беньи по весне часто сбегал из дому и забирался на какое-нибудь едва начавшее зеленеть дерево. Если ветер дул со стороны города, Беньи вопил что есть мочи, орал до боли. Если ветер дул с другой стороны, Беньи сидел тихо, сидел, пока щеки не онемеют настолько, что уже не чувствуют слез.

Охотиться его научили старшие сестры. Не от хорошей жизни: просто, когда мама уходила на работу, оставлять дома мальчишку никто бы не рискнул, он мог устроить там любую пакость. О Беньи точно известно было одно: от него можно ждать чего угодно. Но природа, ко всеобщему изумлению, добралась до тех уголков его души, до которых не удалось добраться людям: когда тебя, маленького, учат, как вести себя в лесу, у тебя словно появляется второй родной язык. В лесу говорил воздух, и Беньи все понимал. Воздух был грустным и диким.

Сестер научил охотиться отец. За это Беньи их ненавидел – за то, что они помнят отца. Только после знакомства с Кевином в жизни Беньи появился кто-то, кто принадлежал только ему. Летом они пропадали в своем тайном прибежище – на поросшем лесом островке посреди озера, куда не добирались даже охотники. Мальчишки были там совсем одни и жили как хотели – купались голышом,

вылезали на валуны и обсыхали на солнце, ловили рыбу на ужин и спали под звездным небом, по несколько дней не говоря друг другу ни слова. В первое лето они пробыли на острове сутки, подростками жили по многу недель подряд, вплоть до последней секунды, оставшейся до начала хоккейных тренировок.

В первые годы этой дружбы Беньи иногда еще писался, когда ему снился отец. Но только не на острове. Там, куда добираться на веслах, где забиваешь металлический клин в трещину скалы, когда привязываешь лодку, сны тебя не достанут. Кевин стал для Беньи всем миром. Друж्या детства – это любовь на всю жизнь, и тем больнее они разбивают нам сердце.

Беньи вел Ану и Маю на тот самый поросший кустарником берег. Мостков на озере не было, но Беньи вытащил спрятанную в кустах лодку и бросил в нее рюкзак. А сам вошел в воду и поплыл.

Девочки поначалу не понимали, куда гребут – посреди озера были только какие-то заросшие низкими деревцами скалы, с воды непонятно было даже, можно ли там высадиться. Но Беньи вынырнул за какими-то валунами, с его рук капала вода, и, упираясь исцарапанными ногами в землю, вытащил лодку на берег.

Ана нашла в рюкзаке металлические клинья, взяла молоток Беньи и вбила их в трещину в скале, чтобы привязать лодку. Мая вышла на берег следом за ней, и только теперь девочки поняли, что у них перед глазами. Посреди островка виднелся расчищенный от травы прямоугольник, рассмотреть который с воды невозможно. Достаточно большой, чтобы поставить двухместную палатку.

– Здесь хорошо прятаться, – пробормотал Беньи, глядя в землю.

– Почему ты показал нам это место? – спросила Мая.

– Мне оно больше не нужно, – ответил Беньи.

Мая видела, что он лжет. На один исчезающе короткий миг Беньи как будто готов был и сам в этом признаться. Но лишь застенчиво показал рукой на берег и прибавил:

– Если купаться вон там, то из леса не видно.

Мая и Ана не спрашивали, с кем он делил этот остров. Теперь остров принадлежал им. Как хорошо, что природа не знает ностальгии. Скалам и деревьям плевать на прежних владельцев. Беньи уже шел к воде, но, когда он прыгнул с камней, Мая позвала:

– Слушай!

Беньи обернулся. Голос Май сел.

– Я надеюсь, что твоя история кончится хорошо.

Юный мужчина лишь кивнул и отвернулся, прежде чем она сообразила, что это значит для него на самом деле. Юные женщины еще стояли на берегу, когда он нырнул в озеро и поплыл прочь.

Ана следила за его руками, разрезавшими водную гладь, прищурившись, смотрела, как он, напрягшись всем телом, выбирается на противоположный лесистый берег. Такой же печальный и дикий, как он сам. Ана удовлетворенно прикусила нижнюю губу. А поймав осуждающий взгляд Май, только фыркнула:

– Ну что? Я только подумала, что... ну, что ему не обязательно было сразу удирать. Мог бы и присмотреть, пока я купаюсь...

– У тебя с головой проблемы. – Мая постучала себя по виску.

– Что? Да ты видела, какие у него бицепсы? Он бы покараулил, пока я...

– Спасибо! Хватит! Еще слово – и вылетишь с моего острова!

– Чего-чего? Он уже и твоим стал?

Мая расхохоталась. Ее лучшая подруга – самая мозговитая кретинка из всех ее знакомых. Ана на свой извращенный лад пытается сделать так, чтобы все стало как было: парни, секс, жизнь, мир. И начинает с того, с чего начинают все выжившие: прикалывается.

Они оставались на острове почти все лето. Ана совершала короткие вылазки домой, за провиантом, но больше для того, чтобы вынести пустые бутылки с отцовской кухни. Она всегда возвращалась до наступления темноты и следила, чтобы Мая не голодала. Однажды утром Мая проснулась оттого, что ее подруга стояла нагишом в озере и, ругаясь в воду, пыталась изловить голыми руками рыбу, потому что так делал какой-то придурок в телепередаче про выживание; с тех пор Мая не звала подругу иначе, как «Горлум». Ана, в свою очередь, впервые увидев Маю голой, прокомментировала границы ее загара по краю футболки и шортов: «Из тебя получится годный папаня. Ты загорела, как приличный отец семейства после отпуска». Это было последнее лето, когда они пели во весь голос, отплясывали кто во что горазд и спали под звездным небом, не зная кошмарных снов. Мая играла на гитаре, спокойно и свободно. Она еще не знала, что через десять лет каждый концерт своего турне будет начинать композицией, сочиненной на этом острове. Она сделает татуировки на руках – на одной гитара, на другой ружье, – а песню посвятит лучшей подруге. И назовет «Остров».

Беньи бегал в одиночестве в другой части леса. Он нашел себе новое убежище, он долго учился находить такие места. Он стал мужчиной, который ничего не принимает как данность. Это дети считают какие-то вещи самоочевидными. Что лучший друг будет с тобой всегда. Что тебе можно быть самим собой. Что ты имеешь право влюбиться в кого захочешь. Для Беньи ничего самоочевидного больше не осталось, он просто бежал и бежал по лесу. В конце концов мозгу перестало хватать кислорода, и Беньи больше ничего не чувствовал. Тогда он залез на дерево. И стал ждать ветра.

* * *

Человек должен сдерживать свои обещания. Это первое, чему учат детей, едва они начинают говорить. В детстве Мая заставила отца пообещать, что ей разрешат стать астрономом, и Петер пообещал, как всякий родитель. Он обещал и другое: что никто никогда не причинит ей зла. Что все устроится и будет хорошо. Хотя знал, что это неправда.

После всего, что случилось той весной, Петер спросил дочь, не хочет ли она уехать из Бьорнстада. Она сказала: «Нет. Потому что это и мой город». Петер спросил, что он может сделать для нее, и Мая ответила: «Создай клуб еще лучше, для всех». И он пообещал.

Петеру вечно не хватало слов. Он был не мастер рассказывать, как он любит детей и жену; Петер полагал, что любовь подтверждается делом. Но что и как он подтвердил теперь? Кроме того, что он – лузер?

Петер затормозил у «зебры». Молодой папа с дочкой лет восьми-девяти переходил дорогу. Папа держал дочку за руку, по виду девочки было ясно, что она уже лет сто как выросла из таких вещей. Петер едва удержался, чтобы не выскочить из машины и не крикнуть молодому отцу, чтобы тот никогда не выпускал руку дочери. Не выпускай ее никогда. Никогда!

Когда у Петера и Миры родился их первый ребенок, Исак, Мира сказала Петеру: «Вот кто мы теперь в первую очередь. Родители. А все остальное – во вторую». Конечно, Петер и так это знал. Это все знают. Никакого выбора у тебя нет: жертва чувственной агрессии, ты превращаешься в собственность в ту минуту, когда впервые слышишь плач своего ребенка. Отныне ты прежде всего принадлежишь этому существу. И когда с твоим ребенком что-нибудь случится, виноват будешь только ты.

Петеру хотелось выскочить из машины и заорать тому отцу: «Не спускай с нее глаз, никому не доверяй, не отпускай ее на вечеринки!»

Когда умер Исак, Петера спрашивали: «Где взять силы, чтобы такое пережить, чтобы справиться?» Петер мог ответить только одно: справиться с таким невозможно. Просто живешь дальше. Какая-то часть твоего эмоционального мира включает автопилот. А теперь? Петер не знал ответа. Знал только, что если с твоим ребенком что-то случилось, то неважно, кто виноват; виноват всегда только ты. Почему тебя там не было? Почему ты не убил негодяя? Почему оказался плохим отцом?

Петеру хотелось прокричать все это папаше на переходе. «НИКОГДА НЕ ВЫПУСКАЙ ЕЕ РУКУ, ПОТОМУ ЧТО ИНАЧЕ ЭТИ СВОЛОЧИ ОТНИМУТ У ВАС ВСЮ ВАШУ ЖИЗНЬ!»

Но Петер только тихо заплакал, впившись ногтями в руль.

Остров

Было лето

Был остров наш

Тысячу лет

Длилась зима

Тебя изорвали

Меня сломали

Ты держала веревку

Я узел вязала

Сколько раз умереть мы успели

До наших шестнадцати лет?

Сколько слов о прощанье мы спели

Таких, что лишь ты поняла?

То лето длилось

Тысячу лет

И ты всегда

Будешь моей

Когда Петер возвращался домой поздно, Мира обычно засыпала на диване. Неоткрытая бутылка вина, два бокала на столе, безмолвный укол совести: ему напоминают, что его ждали. Что кому-то было больно оттого, что он не пришел. Петер осторожно на руках относил жену в постель и засыпал, дыша ей в спину.

Долгое супружество состоит из вещей настолько мелких, что когда мы теряем их, то даже не знаем, где искать. Из того, как жена словно бы нечаянно дотрагивается до тебя, когда ты моешь посуду, а она варит кофе, как ее

мизинец ложится на твой палец, когда вы одновременно опускаете руки на стол. Того, как твои губы скользнут по ее волосам, когда она стоит у кухонного стола, а ты просто идешь мимо, и оба вы смотрите в разные стороны. Когда два человека любят друг друга так давно, что прикосновения перестают осознаваться и становятся инстинктом; когда, встречаясь между прихожей и кухней, тела сами находят друг друга. Когда, выходя из дома, она вкладывает руку в твою точно по ошибке. Микростолкновения тел, день за днем, постоянно. Такое не придумать никакому инженеру. И никто не знает, почему все это кончается; просто два человека начинают жить параллельно, а не вместе. Однажды утром у них не получается посмотреть друг другу в глаза, их пальцы ложатся на стол в нескольких сантиметрах друг от друга. Они ухитряются разминуться в прихожей. И больше не наталкиваются друг на друга.

Петер открыл входную дверь уже после полуночи. Мира знала – он надеется, что она спит, поэтому притворилась спящей. Бутылка на столе была пуста, рядом стоял всего один бокал. Петер не отнес жену в кровать – просто накрыл ее, лежавшую на диване, одеялом. Постоял несколько минут – может быть, ждал, что она перестанет притворяться спящей. Но когда она открыла глаза, Петер уже был в ванной. Он запер дверь и уставился в пол, а Мира так и лежала на диване, уставившись в потолок. Они больше не знали, что сказать друг другу. Все имеет свою точку невозврата, и, хотя «разделенная радость – радость вдвойне», мы упорствуем во мнении, что скорбь работает иначе. Может быть, это неправда. Двое тонущих со свинцовыми ядрами на ногах вряд ли спасут друг друга, если будут держаться за руки, – они просто утонут вдвое быстрее. Нести разбитое сердце другого под конец станет невыносимо.

Теперь они спали, не держась за кончики пальцев. Губы не касались волос, а дыхание – спины. И один-единственный вопрос медленно, ночь за ночью вползал им в головы и все основательнее там укоренялся: неужели это оно? Когда между людьми все кончено?

Вечером надо будет найти, с кем подраться

Все любители спорта знают: исход матча в равной степени зависит от того, что во время его произошло, и того, чего не случилось. Попадания в штангу, судейские ошибки, потери шайбы. Все разговоры о спорте в конечном итоге сводятся к тысяче «если» и десяткам тысяч «если бы не». У некоторых людей на этом заливает и сама жизнь. Год за годом человек скармливает все те же истории незнакомцам, присевшим за все более пустующую барную стойку: о несчастной первой любви, о нечестном партнере по бизнесу. Несправедливое увольнение или неблагодарные дети, несчастный случай или развод. Одна-единственная причина того, что все пошло прахом.

У каждого, кто оказался на дне, есть что рассказать о той жизни, которая должна была им достаться на самом деле. То же и с городами. Прежде чем разобраться в судьбе величайших из них, надо услышать истории маленьких.

* * *

После праздника солнцестояния здание администрации опустело, местные политики ушли в отпуск или вернулись к обычным делам. Если хочешь понять, как управляется коммуна, начинать надо здесь. Местные политики заняты неполный день за несколько тысяч гонорара, что в пересчете на стандартную ставку превращает их работу практически в безвозмездную. Поэтому большинство муниципальных деятелей заняты где-то еще или имеют собственные предприятия, то есть клиентов, поставщиков, начальство и партнеров. При таком раскладе трудно говорить о независимости, но человек в принципе не остров, а в этих лесах и подавно.

Работать по восемнадцать часов в сутки целое лето во всей городской администрации продолжал всего один человек, и он никому ничего не был здесь должен. Человека этого звали Ричард Тео. Он сидел у себя в кабинете, одетый в черный костюм, и звонил, пока телефон не раскалялся. Некоторые его ненавидели, некоторые – боялись. Именно Тео было суждено изменить судьбу двух городов и одного хоккейного клуба.

* * *

Когда дождь зарядит на несколько дней, Бьорнстад меняется. Такого рода осадки городу не так привычны, как снег. Люди сидят по домам, молчаливее и

раздражительнее, чем обычно.

Джип пробирался через лес по раскисшей грязи. Неизвестное лицо затормозило перед маленькой автомастерской, соседствовавшей с облезлым жилым домом. На лужайке стояло в ожидании ремонта несколько машин. На одну из них трудно было не обратить внимания: в капоте у нее засел топор.

Парень лет восемнадцати с кулаками размером с молочного поросенка вспрыгнул на кузов и вытащил топор из жести. Его плечи вздулись так, будто шея провалилась куда-то в кишечник.

Суровый мужчина лет сорока, чье сходство с парнем полностью отметало сомнения в его отцовстве, подошел к джипу и постучал в окно.

– Покрышки? – рыкнул он.

Неизвестное лицо опустило стекло и недоуменно переспросило:

– Покрышки?

Мужчина пнул переднее колесо.

– Стерлись до блеска, а вот эта – до корды, как патефонная пластинка. Я решил, что вы приехали покрышки менять.

– Ладно.

– Что «ладно»? Вам нужны новые покрышки или нет? – поинтересовался мужчина.

– Ладно, – повторило неизвестное лицо и пожало плечами, словно ему предложили добавить кетчупа.

Мужчина что-то неразборчиво пробурчал, а потом крикнул:

– Бубу! У нас есть такие покрышки?

Неизвестное лицо явилось, конечно, не покрышки менять, а поглядеть на защитника и оценить его качество, но если для этого придется сменить покрышки – почему бы и нет? Номер Бубу с выдергиванием топора – бюджетная версия легенды о короле Артуре – поразил неизвестное лицо. Оно смотрело, как парень скрылся в мастерской, стены которой не были украшены изображениями легко одетых красоток; из этого неизвестное лицо сделало вывод, что в доме есть женщина, которая ни отцу, ни сыну подобного не спустит. Зато стены пестрели фотографиями хоккейных команд, и новыми, и старыми.

Неизвестное лицо кивнуло на них, потом на Бубу, выходящего из мастерской с покрышкой в каждой руке, и спросило отца:

– Твой пацан, он как – тянет в смысле хоккея?

Физиономия отца засияла той гордостью, какая бывает, только если сам играл:

– Бубу? Да! Железобетонный защитник, второго такого в городе нет!

Выражение «железобетонный» неизвестное лицо не удивило: и отец, и сын оставляли отчетливое впечатление людей, у которых коньки назад не едут. Отец протянул замасленную руку; неизвестное лицо пожало ее с той же охотой, с какой трогают змею.

– Меня тут кличут Хряком, – широко улыбнулся отец.

– Цаккель, – представилось неизвестное лицо.

И покинуло мастерскую с чуть менее стертыми покрышками за цену чуть выше приемлемой, а также с очередной запиской: «Бубу. Если научится ездить на коньках».

Потому что это был уже не список имен. А тактическая схема команды.

* * *

Амат бежал по обочине шоссе, его футболка почернела от пота. Он бежал, пока не заслезились глаза, а из головы не исчезли все мысли.

Амат был одним из самых ярких хоккейных талантов, какие только видел наш город, но до весны никто этого не понимал. Амат с матерью жили в самом бюджетном многоквартирном доме на северной окраине Бьорнстада – в Низине, Амата вечно дразнили из-за бэушной экипировки, ему случалось слышать, что он слишком мелкий, но на коньках никто не мог его обогнать. «Порви их!» – напутствовали его лучшие друзья вместо «удачи!». Его оружием была скорость.

Хоккей здесь – медвежий вид спорта, но Амат научился играть, как лев. Спорт проложил ему дорогу в этом городе и станет, как он надеялся, билетом в большой мир. Мать Амата работала уборщицей в ледовом дворце зимой и в больнице летом, но когда-нибудь Амат станет профессиональным игроком и заберет ее отсюда. Прошлой весной у него появился шанс попасть в юниорскую команду. Амат им воспользовался. Он доказал всему городу, что он – победитель, и дверь в мечту распахнулась. Это была лучшая и худшая ночь в его жизни. После матча его пригласили на вечеринку, где ждали и Маю Андерсон, а о том, чтобы поцеловать Маю, Амат мечтал даже больше, чем о хоккее.

Он напился, но всегда до мелочей будет помнить, как, шатаясь, брел через комнаты, полные пьяных и укутившихся подростков, которые пели и смеялись; как поднялся по лестнице и услышал, как Мая зовет на помощь. Амат открыл дверь и увидел, что Маю насилуют.

Сообразив, что Амат все видел, Кевин, Вильям Лит и еще несколько юниоров предложили мальчику все, о чем он мечтал: место в юниорской команде, звездный статус и карьеру – в обмен на молчание. Отец Кевина дал ему денег и обещал устроить его мать на работу получше. Если кто-нибудь вздумает судить Амата за то, что он колебался, то этот кто-то живет в мире, где моральный поступок доступен каждому. Но это неправда. Мораль – предмет роскоши.

Родители Кевина и спонсоры клуба созвали собрание, на котором попытались выдвинуть отца Маи из «Бьорнстад-Хоккея». Амат пришел туда последним и перед всеми свидетельствовал о преступлении Кевина. Голосование закончилось в пользу Петера Андерсона, и он сохранил свою должность.

Но потом? Агат побежал быстрее, ногам стало больнее, потому что – что, зараза, было потом? Кевин так и не понес наказания. Мая не добились правды, а Агат, выйдя с того собрания, приобрел сотню врагов. Лит и его дружки выследили его и избили, и, если бы Бубу в последнюю минуту не перешел на другую сторону и не защитил Агата, того забили бы до смерти.

Так что в «Хед-Хоккее» теперь не ждали ни Агата, ни Бубу. Агат был стукачом, а Бубу – предателем. А «Бьорнстад-Хоккей»? Он скоро прекратит существование. У Агата все шансы стать одним из тех, кто через тридцать лет будет сидеть у барной стойки с историями, полными «если» и «если бы не». Он видел их в ледовом дворце – испитых мужчин с трехдневной щетиной и четырехдневным похмельем, людей, чьи вершины остались в подростковом возрасте.

Агат мог стать профессиональным игроком, его жизнь могла измениться. Но теперь у него все шансы стать человеком, вышедшим в тираж в шестнадцать лет.

Агат так вглядывался внутрь себя, что не заметил джипа за спиной. Машина проехала мимо, но Агат не знал, что до этого она метров пятьдесят ехала за ним, потому что неизвестному лицу надо было посчитать, как далеко Агат от Бьорнстада и с какой скоростью он бежит. Лицо записало: «Агат. Если сердце такое же большое, как легкие».

Беньи сидел, привалившись спиной к отцовской могиле. Его тело переполняли самогон и трава – комбинация, которая работает как выключатель. Беньи выключился. Иначе он сгорит.

У него три старших сестры, и, чтобы понять разницу между ними, достаточно назвать его имя. У Габи – маленькие дети, она читает им сказки на ночь, рано ложится спать по пятницам и телепередачи все еще смотрит по телевизору, а не в компьютере. Катя – барменша в хедском «Овине», свои пятничные вечера она посвящает тому, чтобы наливать пиво и выпроваживать пьянчуг весом под сто сорок кило, решивших избавиться от передних зубов других пьянчуг весом под сто сорок кило. Адри – старшая – живет одна при своем собачьем питомнике, охотится, ловит рыбу, ей нравятся люди, которые умеют держать язык за зубами. Поэтому если сказать «Беньи», то Габи встревоженно охнет: «С ним что-

то случилось?» Катя вздохнет и поинтересуется: «Что он опять натворил?» А Адри припрет вас к стенке и требовательно спросит: «Какого вам понадобилось от моего брата?» Габи тревожится, Катя решает проблемы, Адри защищает – так разделилась ответственность, легшая на трех сестер, когда их отец взял ружье и ушел в лес. Они понимали, что такую душу, как у Беньи, не воспитаешь; в лучшем случае ее можно обуздать. И когда Беньи вел кочевую жизнь – то у матери, то в лесу, то у кого-нибудь из сестер, – они невольно входили в привычные роли. Если он жил у Габи, она прокрадывалась иногда по ночам к нему, уже восемнадцатилетнему, чтобы проверить, дышит ли. Когда он навещал Катю, та баловала его и многое ему спускала, потому что не хотела, чтобы он перестал приходить к ней со своими бедами. А когда он бывал в собачьем питомнике у Адри, она прятала перед сном ключ от оружейного сейфа себе под подушку. Чтобы младший братишка не пошел по папашиним следам.

В этом городе всегда находились взрослые, считавшие Беньи бунтарем. Но его сестры знали, что он совсем не бунтарь. Беньи стал тем, чего от него все хотели, потому что мальчик, который носит в себе слишком большую тайну, быстро усваивает: прятаться лучше всего там, где ты у всех на виду.

В детстве Беньи раньше всех понял, что Кевин может стать звездой, в Бьорнстаде таких называют «зимняя вишня», и на льду делал все, чтобы дать Кевину расцвести. Беньи и выдерживал, и наносил такие удары – и в таком количестве, что на трибунах говорили: «Вот что значит настоящий хоккеист. Хоккей – спорт не для всяких там педиков, он – для таких, как Беньи!» И чем злее он дрался, тем увереннее люди думали, будто его знают. Пока он не стал тем, чем им хотелось.

И вот ему восемнадцать. Беньи поднялся, оперся о камень, поцеловал отцовское имя. Потом отступил на шаг, сжал кулак и изо всех сил ударил по тому же месту. Кровь капала с костяшек, когда он шел через лес, к Хеду. Завтра день рождения Алана Овича – в первый раз за много лет Беньи будет отмечать его без Кевина. Вечером надо будет найти, с кем подраться.

Джипа он не увидел. Машина стояла под деревом. Неизвестное лицо направилось под дождем к могиле, прочитало имя на камне. Вернувшись в джип, записало: «Ович. Если он еще хочет играть».

Беньи. Амат. Бубу. Внутри каждой большой истории всегда разворачивается множество маленьких. Пока трое молодых людей из Бьорнстада думали, что потеряли свой клуб, неизвестное лицо уже составляло из них команду.

Вечером Ричард Тео, местный политик, сидел в здании администрации один. Тео выглядел моложе своих сорока с небольшим – наследственность, которую он когда-то ненавидел, осматривая голые участки кожи в ожидании пубертата, но плоды которой пожинал теперь, когда его ровесники выдергивали седые волосы из бороды и проклинали закон всемирного тяготения каждый раз, когда мочились. На Тео был костюм, на коллегах – максимум джинсы и пиджаки, и Тео привык к издевкам, дескать, он «выглядит, как член правительства, а сам всего-навсего сельский аутсайдер». Тео оставался невозмутим. Он одевался не ради той работы, которая у него была, а ради той, которой ему бы хотелось.

Он вырос в Бьорнстаде, но популярен тут не был и в хоккей не играл. Учиться он уехал за границу, и его отсутствия никто не заметил. Много лет он работал в лондонском банке, а потом вдруг вернулся домой, привезя с собой дорогие костюмы и политические амбиции. Вступил в самую незначительную партию края. И она перестала быть самой незначительной.

Не так давно прежние одноклассники Тео, видя его лицо на фотографиях, не могли припомнить его фамилии; все изменилось, когда местная газета обличила его политическую линию. Но Тео было неважно, каким путем придет к нему известность. Главное, чтобы о нем узнали. А мнение можно и поменять.

На собрании, где Петеру объявили о судьбе «Бьорнстад-Хоккея», Тео не присутствовал: он не принадлежал к местной элите. В каждой коммуне есть властная элита, к которой ты либо принадлежишь, либо нет, – а местный истеблишмент отвергал Тео, якобы из-за проводимой им политики; но Тео не сомневался, что на самом деле его боятся. Он способен увлечь за собой людей. Его называли популистом, но от других политиков его отличало лишь то, что ему не требовались флаги. Кабинеты местного истеблишмента располагались на верхнем этаже здания администрации, местная политическая элита играла в гольф с флагманами местного бизнеса, а кабинет Тео находился в самом низу. Он получал информацию от тех, кого уволили, а не от тех, кто выкинул людей с работы; от озлобленных, а не от довольных жизнью, – так что он не нуждался во флагах, чтобы понять: ветер задул с другой стороны. Пока прочие политики бегут в одном и том же направлении, люди, подобные Ричарду Тео, идут в другом. Случается, что именно так они и побеждают.

В дверь кабинета постучали. Время было позднее, и никто не видел, как вошло неизвестное лицо.

– Наконец-то! Ну что? Все обдумали? Беретесь за дело? – тут же спросил Ричард Тео.

В кармане у человека по фамилии Цаккель имелся список возможных членов будущей команды, но ответ прозвучал апатично, причем непонятно было, что вызывает у Цаккеля такую апатию – работа или жизнь вообще:

– Когда вы мне звонили, вы предложили мне стать тренером основной команды «Бьорнстад-Хоккея». Но клуб вот-вот обанкротится. А если и не обанкротится, то тренер там уже есть. А если и нет, то вы все равно политик, а не спортивный директор. И если я все правильно понимаю про демократическую систему, то с тем же успехом, что и тренерскую должность, вы можете предлагать мне единорога.

– И все-таки вы здесь, – самоуверенно констатировал Ричард Тео.

– А я люблю единорогов. – Было непонятно, шутит Цаккель или нет.

Тео склонил голову набок:

– Хотите кофе?

– Я не пью кофе. И вообще горячие напитки.

Тео дернулся, словно уклоняясь от метательного ножа. – Вы не пьете КОФЕ? Тогда вам в этом городе придется нелегко!

– Этот город – не исключение.

Тео захихикал, словно закудаhtал.

– Интересный вы человек, Цаккель.

– Мне уже говорили.

Тео хлопнул ладонями по столу и бодро встал.

– Мне это нравится! И журналистам понравится тоже! Должность тренера – ваша, спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея» – беру на себя. От души надеюсь на наше сотрудничество.

У него был такой вид, словно он сейчас воскликнет: «Дай пять!» Личность по фамилии Цаккель, кажется, не испытывала особого энтузиазма по этому поводу.

– От души надеюсь, что у нас с вами не будет никакого «сотрудничества». Я тут ради хоккея, а не ради политики.

Тео радостно всплеснул руками:

– Ненавижу хоккей, так что забирайте его себе!

Посетитель по фамилии Цаккель упрятал руки в карманы спортивной куртки.

– Для человека, который ненавидит хоккей, у вас чертовски заинтересованный вид.

Глаза Тео от удовольствия превратились в щелочки.

– Это потому, что, когда все бегут в одну сторону, я иду в другую. Так и побеждаю.

10

Как сказать детям?

Свет в адвокатском бюро не горел, за исключением одного кабинета. Кабинета Миры Андерсон. Ее коллега разлеглась на двух креслах, выискивая в интернете

чартерные рейсы.

– Чартер? Ты же не любишь уходить в отпуск, – напомнила ей Мира.

Коллега только потянулась, как кошка, которой читают мораль.

– Не люблю. Но такое тело, Мира... не предъявить его в бикини хотя бы раз в год
– просто преступление!

Мира рассмеялась. Господи. Коллеге до сих пор ничего не стоит ее рассмешить.
Вот это подруга.

– Скажи, когда закажешь билеты. Я позвоню и предупрежу всю страну, чтобы
запирали мужей.

Коллега с серьезным видом кивнула:

– И сыновей. И отцов, если я перепью бренди.

Мира улыбнулась. Потом медленно моргнула и пробормотала:

– Спасибо, что ты здесь...

– У меня дома вай-фай плохой. – Коллега пожала плечами.

Брехня, конечно. Коллега сидела в конторе, потому что знала: Мира не хочет
сегодня вечером рано уходить с работы, сидеть в пустом доме и ждать Петера.
Коллега не судила, не переливала из пустого в порожнее – просто оставалась в
единственном кабинете, где горел свет.

Господи. Вот это подруга.

* * *

«Не влюбляйся в хоккейный клуб. Он не ответит тебе взаимностью». Так говорила Петеру Андерсону мать. Она была мягче отца, Петер иногда думал, что отец тоже, наверное, был мягче – до того, как мать заболела. «Не думай, что ты что-то собой представляешь», – говорил отец. Петер не слушал ни ее, ни его.

Он звонил всем знакомым. Всем, с кем когда-то играл. Просил совета, просил денег, просил игрока, чтобы спасти клуб. Все выражали понимание, все сочувствовали, но хоккей живет таблицами. Никто ничего не делает за так.

Зазвонил телефон. Звонил друг детства Фрак, хозяин нескольких продовольственных магазинов и последний настоящий спонсор «Бьорнстад-Хоккея». Дрожащим голосом Фрак проговорил:

– Это же черт знает что такое, Петер. Черт знает, это... они... ну, такое устроили...

– Что? – спросил Петер.

– Ты, главное, детям не показывай. Эти... засранцы эти, они... в сегодняшней местной газете – некролог. Твой.

Петер ничего не ответил. Месседж он понял. Можно сколько угодно твердить себе, что «критика – часть работы» и что «не принимай близко к сердцу». Но человек есть человек. Увидишь свое имя в некрологе – и поневоле примешь близко к сердцу.

– Да наплюй на них... – сделал попытку Фрак, но он и сам понимал, что плюнуть на такое невозможно.

Можно, наверное, спасти хоккейный клуб Бьорнстада, даже если за тебя не все. Но если все – против тебя...

Петер положил трубку. Пора бы домой, но Мая живет в палатке с Аной, а Лео ночует у приятеля. Петер и Мира останутся в доме одни, и Петер знал, что скажет Мира. Она попытается склонить его к капитуляции.

Поэтому Петер завел «вольво» и сел за руль. Прочь из Бьорнстада, по дороге, на максимальной скорости.

* * *

В кабинете у Ричарда Тео висело изображение аиста. По образованию Тео был статистиком и знал, что статистические данные – самый простой способ убедить людей в существовании любой причинно-следственной связи. Что высокие цены ведут к болезням, алкоголь – к авариям, бедность – к преступности. А еще он знал, что цифры всегда можно подогнать под нужды политиков.

В одной британской книжке Тео вычитал, что, согласно статистике, в городах, где аистов много, ежегодная рождаемость гораздо выше, чем в городах, где аистов мало. Что же мы видим? Что аисты приносят детей? – саркастически вопрошал автор и сам себе отвечал: – Нет, конечно. Просто аистов больше там, где много печных труб, потому что аисты вьют гнезда на трубах. Много печных труб – значит, много домов, много домов – значит, много жителей и, как следствие, много детей.

Поэтому кабинет Ричарда Тео и украшало изображение аиста. Чтобы каждый день напоминать Тео: неважно, что происходит. Важно, как ты объяснишь это людям.

Другие животные его тоже интересовали. Например, медведи и быки. Как все местные, он с детства усвоил, что так называются хоккейные клубы, но, изучая экономику за границей, он узнал и другое. Что на жаргоне Уолл-стрит «быки» – это брокеры, что играют на резком подъеме курса, а «медведи» – на беспощадном медлительном понижении. Но главное – нужны и те и другие, их борьба удерживает экономику в равновесии.

То же самое, по мысли Ричарда Тео, относится и к хоккейным клубам, только здесь Тео стремился нарушить равновесие. По простой причине: когда все хорошо, когда люди довольны – выигрывает истеблишмент. А когда люди злятся и ссорятся – выигрывают люди вроде Ричарда Тео. Аутсайдеру, чтобы обрести власть, нужен конфликт. А если конфликта нет? Тогда придется его создать. Тео набрал номер старинного лондонского приятеля.

– Все договорились? – спросил он.

– Да, никто не соскочил. Но, сам понимаешь, новым владельцам нужны определенные... политические гарантии, – напомнил лондонский приятель.

– Они получают все, что хотят. Проследи только, чтобы они появились здесь и выглядели довольными на фотографиях в местной газете, – улыбнулся Тео.

– А ты чего хочешь?

– Я хочу быть их другом, – заверил Тео.

Лондонский приятель рассмеялся:

– Да-да, как всегда.

– Это хорошая сделка, новые владельцы останутся довольны, – пообещал Ричард.

– Отличная сделка, – согласился лондонский приятель, – и ее нельзя провести без твоих познаний и политических связей. Новые владельцы ценят твою помощь. А теперь скажи честно: откуда у тебя такой интерес к этой фабрике?

Голос Тео был спокойно-доброжелательным.

– Потому что фабрика находится в Бьорнстаде. Она нужна мне, потому что она даст мне хоккейный клуб.

Лондонский приятель снова рассмеялся. Когда они с Тео познакомились, еще студентами одного английского университета, Тео располагал небольшой стипендией и парой пустых карманов. Он был сыном учительницы и фабричного рабочего, который продвинулся по профсоюзной линии как настолько жесткий переговорщик, что, согласно легенде, руководство фабрики назначило его управленцем среднего звена, только чтобы избавиться от оппонента. Отец растолстел, стал удобным, а вскоре и неопасным. Эта история показала Ричарду Тео, что можно сделать, имея власть. Поэтому, поступив в университет, он сознательно водился с людьми определенной категории: слабаками из богатых

семей, неуверенными и затравленными. А Тео был весельчак и балагур, свой парень и душа компании, к тому же умел болтать с девчонками. Такие качества везде ценятся. Так он разжился верными друзьями, которые вскоре унаследовали власть и деньги. Эта история показала Тео, как важно заводить связи.

Вернувшись домой, он из всех доступных ему партий выбрал самую незначительную, по той же причине, по которой начал свою политическую карьеру в Бьорнстаде, а не в столичном городе: иногда эффективнее быть большой рыбой в маленьком пруду, чем маленькой рыбой в большом. Направления и цвета политики были ему безразличны, он с одинаковым успехом мог оставаться на прямо противоположных концах спектра. Некоторых людей ведут по жизни идеалы; Ричарда Тео двигали результаты. Другие политики называли его «оппортунистом» с «простыми ответами на сложные вопросы», из тех, кто стоит рядом с безработными в баре «Шкура» и поет им в уши про инвестиции коммуны в промышленность, а в следующую секунду обещает предпринимателям с Холма снижение налогов. Тео легко находил козла отпущения каждый раз, когда в Низине происходило какое-нибудь преступление, ему ничего не стоило потребовать со страниц местной газеты «больше полицейских патрулей на улицах», одновременно критикуя политическую элиту за то, что она «выходит за рамки бюджета коммуны». Он заседал с защитниками природы, обещая противостоять давлению охотников на местное руководство, но, если того требовали личные планы Тео, в другом кабинете он подогревал в охотниках раздражение против волколюбов из столичных городов и противников огнестрела из правительства.

Самому Тео на подобную ерунду было, разумеется, глубоко плевать. Для него она служила способом показать, что он не нуждается во флагах. В политике нужна стратегия, а не пустые мечты. И теперь Тео присматривался, что сыграет ему на руку этим летом.

Давно уже ходили слухи, что больницу в Хеде закроют. И на фабрике в Бьорнстаде уже несколько лет шли сокращения. А теперь и «Бьорнстад-Хоккею» грозит банкротство. Надо неплохо разбираться в направлениях ветра, чтобы понять, как извлечь пользу из всех трех обстоятельств.

– ХОККЕЙНЫЙ клуб? Не думал, что ты такой уж большой любитель спорта, – поразился лондонский приятель.

– Я большой любитель всего, что идет мне на пользу, – ответил Ричард Тео.

* * *

Две женщины, Фатима и Анн-Катрин, ехали в маленьком автомобильчике по лесной дороге. Их сыновья Абат и Бубу весной стали играть в одной команде, медведь на их свитерах объединил и мам. Фатима летом убиралась в больнице, где работала медсестрой Анн-Катрин, так что они стали сходить за кофе и обнаружили, что, хотя и родились далеко друг от друга, у них много общего: обе много и тяжело работали, громко смеялись и беззаветно любили своих детей.

Поначалу, конечно, разговоры часто сводились к слухам о закрытии больницы. Фатима тогда рассказала Анн-Катрин, что ее первыми словами на бюрнстадском диалекте стали: «Кто сказал, что будет легко?» Здешние люди нравились Фатиме тем, что не притворялись, будто мир устроен просто. Жизнь может обойтись с тобой сурово, может причинить боль, и люди это признавали. А потом широко улыбались и говорили: «Ну и что с того. Кто сказал, что будет легко? Это вам не в столицах жить!»

Анн-Катрин рассказала ей свою историю. О рано умерших родителях, о взрослении в лесу, когда экономика дышала на ладан, о том, как влюбилась в большого неуклюжего мужчину по прозвищу Хряк, потому что он играл в хоккей, как опасно раненный кабан, а на коньках был способен перемещаться только в одном направлении и на полной скорости. Анн-Катрин в жизни никуда отсюда не ездила, не видела мира, да и не нуждалась в этом. «Самые красивые деревья растут здесь», – клялась она Фатиме и прибавляла: «Да и мужчины здесь не такое уж позорище, с ними только терпение нужно».

Хряк и трое их детей, из которых Бубу был старшим, поглощали все внимание Анн-Катрин. Она рано вставала, кормила их, одевала и помогала Хряку с документами в мастерской, после чего ехала в больницу и отработывала долгие смены, наполненные самыми страшными часами в жизни других людей. Потом снова домой. «Уроки проверить, прибраться успеть, порой и слезинку со щеки стереть».

Но по вечерам, говорила она Фатиме, Хряк прокрадывался на кухню мягче, чем можно было ждать от человека с его телосложением. И обнимал ее, а она тесно прижималась к нему, и они с Хряком танцевали, ее ноги – на его лапищах, так

что при каждом шаге Хряк немного приподнимал ее, и вся ее жизнь стоила тех минут. Вся жизнь. «Помнишь, Фатима? Когда дети маленькие, приходишь за ними в детский сад, они бегут к тебе и ПРЫГАЮТ тебе в объятия? Они бросаются тебе на руки всем телом, потому что не сомневаются – мы подхватим их. Для меня это лучший миг на свете». Фатима тогда улыбнулась и проговорила: «Знаешь, когда Алат играет в хоккей, когда он счастлив – это то самое чувство. Понимаешь?» Анн-Катрин поняла. Так они стали подругами.

Когда несколько недель назад после обеда Анн-Катрин рухнула на пол в больничном кафетерии, ее подхватила именно Фатима. И была одной из первых, кому Анн-Катрин рассказала о диагнозе. Фатима ходила с ней на обследования, возила к специалистам в другую больницу – чтобы Хряк мог оставаться дома в мастерской. И вот теперь обе сидели в машине, почти уже дома. Анн-Катрин устало улыбнулась:

– Ты слишком для меня стараешься.

Фатима решительно ответила:

– Знаешь, что я усвоила, приехав в Бьорнстад? Что, если мы не позаботимся друг о друге, этого не сделает никто.

– «Медведи срут в лесу, остальные срут на Бьорнстад!» – отозвалась Анн-Катрин голосом набравшихся стариков из бара «Шкура», и обе женщины захихикали.

Когда машина свернула на лужайку перед мастерской, Фатима прошептала:

– Ты должна сказать Бубу, что больна.

– Знаю, – всхлипнула Анн-Катрин, закрыв лицо ладонями.

Она хотела подождать, когда начнется хоккейный сезон, чтобы Бубу было где дать выход чувствам. Но у нее так мало времени. Что же делать? Как сказать детям, что умираешь?

* * *

«Овин» – ресторан на окраине Хеда, с живой музыкой и дешевым пивом. Как большинство подобных заведений, «Овин» – место встреч и для тех, кто хочет забыть свои проблемы, и для тех, кто их ищет. Катя Ович сидела в кабинете, склонившись над бухгалтерской книгой, когда охранник постучал по дверному косяку:

– Ты говорила, чтобы тебе не мешали, я помню. Но в баре сидит твой братик. В майке.

Катя уронила голову и раздраженно вздохнула. Встала, похлопала охранника по плечу, пообещала все уладить.

Беньи и вправду сидел в баре, что само по себе еще не было проблемой. Он практически вырос в «Овине»; когда в баре не хватало рук, он разносил пиво – задолго до того, как получил право его заказывать. Но сейчас дело обстояло по-другому. Завсегдатаи «Овина» болели за «Хед-Хоккей», но позволяли Беньи появляться в «Овине» по трем причинам: 1. Завсегдатаям нравилась Катя; 2. Беньи играл всего лишь в юниорской команде «Бьорнстада»; 3. Он не забывал приходить сюда с длинными рукавами.

Но теперь ему исполнилось восемнадцать. Если он будет играть в хоккей осенью, то в основной команде, а он заявился в бар в одной майке, так что медведь у него на руке виден всем. На неделе кто-то выложил в интернет, как горят красные флаги «Хед-Хоккея», а стоило одной чиновнице из администрации Хеда высказаться по поводу возможного банкротства «Бьорнстада», и в капот ее машины воткнули топор.

– Не хочешь надеть что-нибудь с длинными рукавами? – спросила Катя, вставая за стойку.

– Любимая сестричка! Привет, – улыбнулся Беньи.

Эту хитрость он освоил еще в детстве. Слабость Кати состояла в том, что она не могла разозлиться, ей всегда хотелось, чтобы Беньи любил ее больше всех. Она скорбно вздохнула:

– Беньи. Ты не мог бы посидеть где-нибудь... не здесь?

Она кивнула на его пивной бокал. Катя знала, что не может помешать членам своей семьи делать что они хотят: это она поняла довольно рано. А завтра у их отца был бы день рождения.

– Не беспокойся, любимая сестра моя, – сказал Беньи.

Как будто она могла не беспокоиться. Катя умоляюще поглядела на брата:

– Допивай пиво, и поедем домой, ладно? Я только с бухгалтерией закончу. Минут через пятнадцать.

Беньи перегнулся через стойку и поцеловал ее в щеку. Кате захотелось одновременно и обнять, и ударить его – как всегда. Она поспешно оглядела зал, не заполненный и наполовину. Большинство присутствующих были или слишком стары, или слишком набрались, чтобы обращать внимание на татуировку Беньи. Катя надеялась, что сможет увести брата до того, как ситуация переменится.

* * *

Амат едва чувствовал ноги; он повернул к городу и побежал по обочине помедленнее. На полпути ему встретился «вольво». Петер Андерсон. Наверное, Амату следовало сдержаться, иметь гордость, но он принялся бешено прыгать и размахивать руками. Машина, словно нехотя, замедлила ход. Амат перевесился через опущенное окно, из него, булькая, хлынули слова:

– Это, ну, Пет... Петер, я только спросить... все тут про клуб, а будет... короче, а осенью будет юниорская команда? Я хочу играть, мне...

Петеру не стоило останавливать машину, не стоило не помня себя срывать зло на шестнадцатилетнем мальчишке. На миг он забыл, что Амат сделал весной, забыл, что юниор не может перейти в команду Хеда именно потому, что он свидетельствовал в пользу Маи. Сохранил Петера на должности. Но иногда печаль и гнев настолько захватывают взрослого человека, что он перестает понимать, что у других людей тоже есть чувства.

– Амат, мне много о чем надо подумать, поговорим как-нибудь в другой раз...

– А когда? Мне негде ИГРАТЬ! – на одном дыхании рубанул Аमत.

Наверное, он не хотел, чтобы его слова прозвучали зло, но он испугался. Петера душила собственная вина, а мозгу от этого порой не хватает кислорода. И Петер прошипел:

– Ты что, Аमत, плохо слышишь? МНЕ НАСРАТЬ НА ЮНИОРСКУЮ КОМАНДУ! Я даже не знаю, есть ли у меня КЛУБ!!!

Теперь только Аमत увидел, что Петер плачет. Мальчик осторожно попятился от машины. Петер ехал, совершенно уничтоженный. Из-за дождя он не видел, что по щекам мальчика тоже текут слезы.

* * *

За барной стойкой «Овина» сидел человек лет двадцати пяти – двадцати шести. Синие джинсы, рубашка поло. На стойке перед ним лежала книжка и стоял бокал с пивом. Когда Катя скрылась в кабинете, молодой человек, обернувшись к Беньи, поднял бровь и сказал:

– Мне отодвинуться?

Беньи развернулся к нему, и углы его рта поднялись, беззаботно и обезоруживающе.

– В смысле?

Человек в рубашке поло улыбнулся:

– Кажется, твоя сестра считает, что ты человек-проблема. Так что вот, не стоит ли мне отодвинуться?

– Зависит от того, насколько ты любишь проблемы, – сказал Беньи и выпил пива.

Человек в рубашке поло кивнул. Покосился на руку Беньи, увидел кровь на костяшках.

– Я живу здесь уже четыре часа. За какое примерно время можно создать себе проблемы?

– Зависит от того, надолго ли ты намерен тут задержаться. Что за книга?

Вопрос последовал так быстро, что молодой человек на миг сбился; потом он понял, что этого Беньи и хотел. У Беньи было много способов вселить в других неуверенность.

– Это была... в смысле, не была, а есть... биография Фридриха Ницше. – Человек в рубашке поло откашлялся.

– Это который про бездну? – спросил Беньи.

Человек в рубашке поло как будто удивился.

– «И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Да. Это Ницше.

– Ты как будто удивился, – заметил Беньи.

– Нет... – соврал молодой человек.

Беньи отпил пива. Много лет его мама, если он дрался в школе, практиковала такое наказание: заставляла сына читать ежедневные газеты. Ему не разрешалось уходить на хоккейную тренировку, пока мать не услышит от него все: передовицу, раздел внешней политики, новости культуры. Через несколько лет чтение газет стало для него слишком простым делом, и мать переключилась на классическую литературу. Сама она читала классику с трудом, но знала, что сын умнее, чем хочет казаться. Поэтому наказание за промахи заодно служило ему напоминанием: ты лучше, чем твое поведение.

Беньи фыркнул:

– А ты ждал, что при слове «Ницше» я заведу: «то, что не убивает меня, делает меня сильнее»? Или, может, «известно, что на небесах вообще нет интересных

людей»? Или... чего там еще? «Те, кто не слышит музыки, думают, что танцоры сошли с ума».

– Не уверен, что последнее – это Ницше, – осторожно вставил молодой человек.

Беньи занялся пивом, оставив собеседника гадать, что это было – ошибка или проверка. А потом сказал:

– Ты все еще как будто удивлен.

– Я... нет... ну или если честно: ты не похож на человека, который цитирует Ницше... – хохотнул молодой человек.

– Я много на кого не похож. – Уголки рта у Беньи снова заплясали.

Вечером Бубу с матерью долго гуляли в лесу. Мама хотела рассказать, как трудно быть взрослым, как сложен мир, но не могла найти слов. Пока Бубу рос, она пыталась объяснить ему, что насилие – это ошибка, но весной он встрял в самую жестокую драку в своей жизни, из него чуть фарш не сделали – и нечасто мать испытывала за него такую гордость, как тогда. Потому что он защищал Амата. Подставился под удары ради него. Встал грудью за другого.

Столько лет она радовалась, что Бубу такой ласковый. Другие мальчишки стыдились, когда матери целовали их в лоб на глазах у приятелей, а ее мальчик – нет. Он был из тех, кто говорит: «Какая у тебя сегодня красивая прическа, мама». А сейчас ей хотелось бы, чтобы он был жестче. Холоднее. Может, тогда он перенес бы все чуть легче.

– Бубу, я больна... – прошептала она.

Когда она все рассказала, Бубу заплакал, но она заплакала еще горше. Бубу уже не был малышом, что прыгал ей в объятия, он был достаточно взрослым, чтобы его сердце могло вместить величайшее горе, и достаточно высоким и сильным, чтобы поднять маму на руки и нести ее, пока она рассказывает, что умирает. Анн-Катрин прошептала сыну в шею:

– Ты всегда был лучшим в мире старшим братом. Теперь тебе придется стать еще лучше.

Вечером она слышала, как он читает «Гарри Поттера» младшим сестрам. Ночью Хряк заварил слабый чай; Бубу вошел в ванную и придерживал матери волосы, пока ее рвало. Когда она легла в постель, сын вытер ей щеки и сказал:

– Хочешь, скажу глупость? Помнишь, ты всегда говорила, что я никогда не найду себе подружку, потому что у меня завышенные требования? Ты ошибаешься. Мне нужен кто-то, кто станет смотреть на меня так же, как вы с папой смотрите друг на друга.

Анн-Катрин крепко прижала ко лбу его большую, глупую, дурашливую голову. Как бы ей хотелось увидеть его женатым. Отцом. До чего же чертовски, паскудно, невыносимо тяжела бывает жизнь. Пусть даже она и не обещала быть легкой.

* * *

Катя уже заканчивала с последними бумагами, когда прибежал охранник. Катя сразу поняла: поздно. Никто из клиентов «Овина» не подумал бы собачиться с Беньи по поводу татуировки, но кое-кто позвонил кое-кому, и эти кое-кто оказались не столь толерантны к свободе изобразительного искусства. У одного из них на предплечье был вытатуирован бык. Когда они вошли в бар, Беньи повернулся к рубашке поло:

– Вот ТЕПЕРЬ отодвинься!

Говоря это, он улыбался, словно вредный мальчишка, подложивший подушку-пердушку под сиденье дивана. Ни один из явившихся в «Овин» мужиков не был и близко так накачан, как Беньи, но их было четверо на одного. Беньи с энтузиазмом соскочил с барного стула, словно обрадовался, что их так много и силы равны. Не они бросились на него – он сам направился к ним, они растерялись, и минутного замешательства оказалось достаточно, чтобы он получил преимущество. Мужчина с быком на предплечье схватил со стола пивную бутылку, и тут Беньи решил ударить первым. Но, разумеется, не успел.

Рубашка поло увидел, как Катя вылетает из кабинета и бросается прямо в толпу мужчин. Оттолкнув мужика с бутылкой к стене, она закричала:

– Хоть один раз замахнешься – будешь весь год пить дома тайком от жены!

Потом Катя завертелась вокруг Беньи; она узнала этот взгляд. Как у старшей сестры Адри, как у отца. Если войны нет, они ее начинают сами.

– Беньи... не здесь, не сегодня, ну пожалуйста... – зашептала она.

Она положила руки брату на грудь, чувствуя, как бьется его сердце. Пульс был спокойным, дыхание ровным. Четверо взрослых мужиков хотели забить его до смерти – а он даже не испугался. Это ужасало Катю, как ничто другое.

Беньи посмотрел ей в глаза. Они у нее были как у матери, и Катя редко о чем-нибудь просила младшего брата. Поэтому Беньи поцеловал ее в щеку и издевательски захохотал над четверыми, медлившими в дверях:

– Вы туда или сюда? Лично я иду домой, так что если вы передумали мериться елдаками, то, может, подвинетесь?

Мужчины покосились на Катю, на охранников – и попятились. Однако предупреждение поняли все: в Хеде больше не рады людям с татуировкой-медведем. В Бьорнстаде имеется Группировка, но и здесь найдутся мужчины, готовые дать отпор.

Выходя, Беньи громко рассмеялся. У мужчин, оставшихся позади, плечи дрожали от бешенства. Один из них проворчал Кате:

– Повезло твоему брату, что у него есть ты. Ты спасла ему жизнь.

Катя глянула на него со злостью:

– Ты так думаешь? Правда? Что я ему спасла жизнь?

Мужчина хотел самоуверенно улыбнуться, но кожа у него словно прилипла к скулам. Катя фыркнула. Она забрала вещи из кабинета и подогнала машину, но

Беньи уже скрылся в ночи, чтобы сестра его не нашла.

* * *

Любой спорт нелеп. Любая игра – глупость. Две клюшки, мячик, и пот, и тяжелое дыхание – чего ради? Чтобы мы на несколько горестных мгновений притворились, что только это и имеет значение.

Ночью Хряк и Бубу расчистили пол в мастерской. Они всегда были немногословны, отец и сын, и теперь боялись устремиться к единственному выходу. В их доме, как и в любом другом, имелось спиртное. Но они выбрали другое: выкатили машины, передвинули верстаки. Гараж опустел.

Тогда они принесли теннисный мячик и каждый свою клюшку. Они играли всю ночь, они потели и тяжело дышали, словно только это и имело значение.

* * *

Закрыв за собой дверь, Беньи в одиночестве прошел по лесу метров двести. Потом остановился, сунул руки в карманы и огляделся. Словно размышлял, поискать ему что-нибудь еще, чтобы осложнить вечер, или дерево, на которое можно забраться и курить траву, пока не сморит сон. Голос позади него прозвучал ожидаемо и неожиданно:

– Я никогда в жизни не дрался, так что от меня помощи было бы не много, если что. Но я бы с удовольствием выпил пива где-нибудь еще... – Это был мужчина в рубашке поло.

Беньи оглянулся через плечо:

– Знаешь какой-нибудь хороший ночной клуб поблизости?

Незнакомец рассмеялся:

– Я же сказал – я живу тут всего четыре часа. Но у меня есть... дом. А в доме холодильник.

Он никогда еще так не делал, никого не приглашал к себе сразу, не так он был устроен. Но Беньи умел толкать людей на спонтанные поступки. И на глупые, кажется, тоже.

Они пошли через лес. Молодой человек снимал домик в кемпинге на приличном расстоянии от Хеда, ближе к Бьорнстаду, но достаточно далеко от обоих городов, чтобы его не было видно ниоткуда. Целоваться они начали уже в прихожей. Утром, когда мужчина проснулся, Беньи уже ушел.

Книгу мужчина обнаружил там, где уронил ее, – на полу между входной дверью и спальней. Полистал и нашел цитату, которую искал: «Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду».

Недалеко от кемпинга, на кладбище, другой молодой человек отправлял шайбу за шайбой в могильную плиту. Костяшки его пальцев кровоточили, а внутри было и того хуже. Алан Ович умер, Кевин Эрдал, считай, тоже. Беньи – мужчина, который любит мужчин и теряет всех, кого любит.

Куда уж больше хаоса.

11

Последний шанс стать победителем

Измерить любовь невозможно, что не мешает нам искать новые способы ее измерить. Похоже, простейший метод – через измерение места: сколько места я готов уступить человеку вроде тебя, чтобы ты стал тем, кем хочешь стать?

Однажды Мира отважилась обсудить с Петером этот вопрос в хоккейных терминах: «Супружество – как хоккейный сезон, да, любимый? Даже лучшая команда не бывает лучшей постоянно, но она все равно хороша, даже если играет плохо. С браком то же самое: брак оценивают не во время отпуска, когда

мы пьем вино перед обедом, у нас потрясающий секс, а самая большая проблема – это слишком горячий песок и что солнце слишком ярко светит на смартфон и мешает на нем играть. Брак измеряется дома, по будням, по нижней точке, по тому, как мы разговариваем друг с другом и как мы решаем конфликты».

Петер обиделся, словно жена затевала ссору, и спросил, чего она «хочет». Она ответила, что хочет «взрослого обсуждения наших проблем». Петер чересчур надолго задумался и наконец сказал: «Ну вот ты, например, вечно суешь в холодильник пакет с двумя каплями молока, вместо того чтобы прополоскать его и положить в мешок для бумажных отходов». Мира молча воззрилась на него, а потом спросила: «Ты правда думаешь, что именно ЭТО – самая большая проблема нашего брака?» Петер оскорбился: «Зачем СПРАШИВАТЬ, если ты только искала повод прицепиться к ответу?» Мира потерла виски. Петер хлопнул дверью и уехал на хоккейный матч. Отношения – штука сложная.

Вечером Мира сидела за кухонным столом. Она видела некролог в газете. Перед Мирой стояла неоткрытая бутылка вина и два бокала. Мира вертела на пальце обручальное кольцо, туда-сюда, словно хотела закрутить разболтавшуюся гайку. Иногда снимала – просто чтобы почувствовать, каково пальцу без кольца. Холодно. Палец мерз, словно кожа в этом месте истончилась.

Уже поздним вечером Мира услышала, как у дома остановился «вольво». Мира понимала, что это глупо, но все же встала прямо за дверью. Потому что, когда она услышала шаги Петера, ей захотелось знать, сразу ли он вставит ключ в замочную скважину или помедлит. Поколеблется ли. Нужно ли ему постоять за дверью, сделать глубокий вдох, прежде чем набраться сил войти в дом.

* * *

Петер протянул руку к замку и замер. Осторожно прижался лбом к двери, словно пытаясь услышать, дышит ли дом, есть ли там, внутри, кто-то, кто еще не спит. Потому что не особенно давно, когда Мира думала, что он спит, он слышал, как она на кухне говорила кому-то по телефону: «Двадцать лет он говорил, что я смогу заняться собственной карьерой на будущий год. На будущий год! Неужели он думает, что только ему так важно знать, хорош ли он в своем деле?»

Двадцать лет Петер говорил себе, что все, что он делает, он делает не ради себя, а ради других. Он стал профессиональным хоккеистом в Канаде, чтобы

обеспечивать семью, он занял должность спортивного директора в Бьорнстаде, потому что после смерти Исака семье требовалось надежное, безопасное место. Он боролся за клуб, потому что боролся за город. Потому что «Бьорнстад-Хоккей» – гордость горожан, единственный способ этого края напомнить большим городам, что здесь все еще живут люди. Что они все еще могут двинуть городских в челюсть.

Но сейчас Петер больше ни в чем не был уверен. Может, он просто эгоист? Он старался не думать о некрологе. Петер всегда о чем-нибудь тревожился, вечно беспокоился обо всем, от счетов до того, включена ли кофеварка, но сегодня вечером им владело другое чувство. Сегодня вечером ему было страшно.

Он уже вставил было ключ в замок, когда металлический щелчок заставил его дернуться. В темноте у него за спиной опустилась дверная ручка, открылась дверца чужой машины.

Из машины вышел человек в черном и направился к Петеру.

* * *

Через лес ехали две машины. Одна подъехала к собачьему питомнику; из нее вышел мужчина в черной куртке, которая не сходилась на груди из-за мускулов. Мужчина пожал руку Адри. Полжизни назад Адри ходила с ним в гимназию и сейчас, конечно, ничего не имела против него, не считая того, что он тормоз хуже ревматика с одноразовым фотоаппаратом. Однажды ей пришлось ему втолковывать, что вне карты движение на юг и вниз – совсем не одно и то же. А в другой раз она объясняла, что острова не плавают, а прикреплены к морскому дну. На родословном древе этого человека ветвей не было. Сейчас Адри заметила у него на руке новую татуировку в виде паутины, настолько кривую, что Адри невольно спросила:

– За каким... Проспорил, что ли?

– Чего? – Мужчина непонимающе уставился на руку. Он явно не задумывался о том, что татуировка выглядит так, будто ее набивали в темноте.

Еще в гимназии кто-то дал ему прозвище Паук – за длинные тонкие волосатые ноги. Паук был из тех мальчишек, которым наплевать, как их прозвали, – главное, все знали, кто он такой; так что Паук принял обидное прозвище. С тех пор он сделал себе с десятков татуировок на паучью тему, и все – словно наколотые алкашом в центрифуге.

Адри недовольно покачала головой, подошла к машине Паука сзади и подняла заднюю дверь универсала: багажник был заставлен ящиками со спиртным. Одновременно она отметила, что другая машина стоит, как обычно, там, где дорога упирается в опушку леса; водитель остался сидеть на месте, чтобы предупредить, если вдруг явится нежданный гость, но пассажир вышел. Его Адри тоже знала много лет, и он, в отличие от Паука, был совсем не дурак. Потому его и следовало опасаться.

Его звали Теему Ринниус, он не был ни особенно высок или широк в кости, а причесывался так тщательно, что лучшие друзья прозвали его Аудитором, но Адри видела, как он дерется, и знала, что голова под челкой – железобетонная. Лягался он так, что лошади в этом городе опасались останавливаться у него за спиной. Когда он был помоложе, они с братом снискали столь дурную славу, что охотники шутили: «Знаешь, почему нельзя покататься на велосипеде брата Ринниуса? Поэтому что это, скорее всего, твой велосипед!» Но Ринниус становился старше, на его счет больше не шутили, а если кто-нибудь приходил в город и спрашивал Теему Ринниуса, его младший благоразумно отвечал: «А кто это?»

У Теему не было черной куртки – он в ней не нуждался. Открыв заднюю дверь машины, Теему выпустил двух собак – он купил их у Адри щенками, так что, если бы кто-нибудь спросил, что он здесь делает сегодня вечером, он объяснил бы, что подумывает прикупить еще собачку. Теему не имел ни расписания поставок, ни фиксированного рабочего времени; Адри поговорила с ним за пару часов до встречи, и, когда стемнело, он появился. Адри звала его – наполовину пренебрежительно, наполовину любовно – «оптовик». Сама она была посредником. В Бьорнстаде две машины не могли приехать одновременно и выгрузить спиртное, не привлекая к себе внимания, но все знали, что местные охотники через равные промежутки времени заезжают в собачий питомник взглянуть на щенков и выпить кофе. Конечно, они заезжали как-то слишком часто, эти охотники, особенно перед выходными или по праздникам. Но спросите кого хотите про Адри – и любой вам ответит: «Она варит обалденный кофе».

Мужчины в черных куртках всегда приезжали на двух машинах, Теему никогда не садился в ту, где спиртное. Полицейские рапорты утверждали, что он руководитель «бандитского формирования под названием Группировка, которое поддерживает “Бьорнстад-Хоккей”». Вовсю поговаривали, будто Группировка влияет на клуб, что из-за этого игроки основной команды, чьи гонорары были чересчур высоки, а достижения слишком незначительны, добровольно разорвали контракты, – но доказательств этого не обнаружили. Не было доказательств и того, что Группировка занимается организованной контрабандой спиртного или торгует крадеными запчастями для автомобилей и снежных скутеров. Полиция даже ни разу не сумела доказать, что Группировка кому-то угрожала – а ведь криминальная сеть обязана это делать, ей нужен капитал насилия. Полицейские рапорты утверждали, что Группировка в таком капитале не нуждается, поскольку витриной ей служат хоккейные матчи. Теоретически все, кто видел, как черные куртки заполняют стоячие трибуны, или слышал, что они делают с фанатами других команд, позволившими себе провокации, должны были и сами представить себе, что будет, если черные куртки позвонят им в дверь.

Но все эти разговоры не стоили выеденного яйца. Такие слухи распускают жители больших городов, которые смотрят слишком много фильмов. А если спросить про Группировку жителей Бьорнстада, большинство просто удивится: «Какая еще Группировка?»

Доставая из багажника последний ящик со спиртным, Адри заметила под ним большой топор. Она закатила глаза.

– Теему, ну ей-богу. Тебе не кажется, что топор в багажнике – это немножко подозрительно? Копам всего лена только что разослали фотку той машины из Хеда.

Немногие отваживались разговаривать с Теему таким тоном, но Теему, казалось, это лишь позабавило.

– Сама прикинь, Адри. После того, что случилось с той машиной, было бы подозрительно не иметь топора в багажнике.

Адри захохотала:

– Ты придурок. Но ты не дурак.

– Благодарю, – улыбнулся Теему.

* * *

Когда Ана тем летом засыпала на острове, Мая не спала: она писала тексты о ненависти. Иногда писала так долго, что они перетекали в тексты о любви. Не о лихорадочной влюбленности, а о той, с которой невозможно жить. Сама не зная почему, Мая тем летом много думала о родителях. В подростковом возрасте хочется, чтобы они были бесполоыми, но где-то в наших ДНК таятся мельчайшие воспоминания, свидетельства ископаемой нежности между нашими мамами и папами. Родители, которые разводятся, как развелись родители Аны, могут сделать так, что их ребенок никогда не поверит в любовь навеки. Но родители, которые всю жизнь остаются рядом друг с другом, могут сделать так, что ребенок будет воспринимать ее как должное.

Мая помнила разные пустяки из детства. Как смеялась мама, описывая папин стиль в одежде как «полицейский в штатском на вечеринке старшеклассников». Или как папа каждое утро вытряхивал приблизительно две капли молока из пустого пакета и бурчал: «Добро пожаловать, сегодняшний претендент на запись в Книге рекордов Гиннесса: Самая маленькая. В мире. Чашка. Кофе». Как бесили маму носки на полу, или как папа мечтал предать людей, которые не вытирают стол возле кухонной раковины, военно-полевому суду. Как мама дважды пересекла земной шар ради папиного хоккея, и с каким восхищением папа тайком посматривал на маму, когда она вела деловые переговоры по телефону на кухне. Как будто никого умнее, веселее, упрямее и скандальнее он в жизни не встречал и все еще не может поверить, что она принадлежит ему. Что это его человек.

Мая помнила, как они с Лео в детском саду долго не могли ответить на вопрос, как зовут родителей, потому что те называли друг друга только «любимый», «любимая». Что родители никогда не произносили слово «развод», даже в минуты самых серьезных ссор, потому что знали: это ядерная бомба, и если один-единственный раз пригрозить разводом, то потом любой скандал будет заканчиваться этим словом. Как они, казалось бы ни с того ни с сего, перестали болтать о пустяках, как в доме стало тише, как они едва смотрели друг другу в глаза после того, что произошло с Маей. Как не имели сил показать друг другу по-настоящему, насколько глубоко оба ранены.

Что родители теряют друг друга, дети замечают по малейшим признакам; таким признаком может оказаться какое-нибудь коротенькое слово, вроде «твой». Мая каждое утро перебрасывалась эсэмэсками с родителями, якобы для того, чтобы они не тревожились за нее, хотя все было наоборот, и привыкла, что родители пишут друг о друге «мама» и «папа». Скажем, «милая, мама не имела в виду, что тебе на самом деле нельзя выходить из дома ТЫСЯЧУ лет» или «папа не нарочно въехал в снеговика головой, милая, он просто поскользнулся». Но однажды один из них написал: «Позвони твоей маме, она тревожится, когда тебя нет дома». А другая написала: «Не забывай: мы с твоим папой любим тебя больше всего на свете». Четыре буквы, означавшие конец супружества. «Твой. Твоя». Как будто друг другу они больше не принадлежат.

Мая сидела на острове посреди лесного озера и писала об этом песни, потому что сил отправиться домой и смотреть на происходящее у нее не было.

Минное поле

Это минное поле, но вы идете вперед

Каждое слово как пуля но вы идете вперед

Покуда вдруг не раздастся стальной щелчок под ногой

И жизнь бесповоротно не станет другой

Худшее если ты жертва жертвовать вновь и вновь

Зная что даже так уже не исправить вашу любовь

Как будто я умерла а похоронили вас

Как будто сломали меня а сломалось внутри у вас

Мужчины в черных куртках пожали Адри руку и зашагали к машинам, а Теему остался и закурил. Адри сунула под губу порцию табака размером с детский кулак. Она тоже не дура. Она знает, что за люди Группировка и на что они способны, но она исходит из практических соображений.

Как-то летом, не так давно, в Бьорнстаде произошло несколько ограблений. Банда приехала на нескольких пикапах, во время налета избили старика, попытавшегося дать отпор грабителям, а в другой раз сосед успел позвонить в полицию. Единственная полицейская машина приехала спустя три часа. Зато Адри помнила, как через несколько месяцев, когда поступил сигнал, что в лесу браконьеры охотятся на волков, полиция примчалась на вертолете, нагнали кучу народа: угрозыск, спецназ... Относиться к этому можно по-разному, но, когда Адри увидела, что о волках пекутся больше, чем о пенсионерах, она стала больше доверять знакомым бандитам, чем бандитам из правительства и местной администрации. И мораль тут совершенно ни при чем. Большинство людей в глубине души такие же. Они исходят из практических соображений.

Когда взломщики появились снова, их уже ждали мужчины в черных куртках. Прочие жители Бьорнстада в ту ночь заперли двери, сделали телевизор погромче, и никто потом не задавал вопросов. Грабежи прекратились. Теему был псих, на эту тему Адри не распространялась, но он любил этот город так же, как она. А еще он любил хоккей. И сейчас он восторженно улыбнулся:

– Осенью Беньи будет играть в основной команде, а? Ты, наверное, от гордости лопаешься! Жеребьевку видела? Он сильно нервничает?

Адри кивнула. Она знала: Беньи на льду показывает все, чего хотел Теему от игрока «Бьорнстада»: жесткость, бесстрашие, злость. К тому же он из этих мест, здешний самородок, мальчик из соседнего двора. Людям вроде Теему это нравится. И да, Адри видела жеребьевку, ее утром выложили в сеть. Осенью «Бьорнстад» встречается с «Хед-Хоккеем» в первом матче.

– Будет, если к тому времени от «Бьорнстад-Хоккея» что-нибудь останется, – тихо усмехнулась она.

Теему улыбнулся, но по его глазам мало что можно было понять.

– Будем надеяться, Петер Андерсон разрулит ситуацию.

Адри, прищурившись, смотрела на него. Именно Группировка устроила так, что Петер по результатам голосования остался на посту спортивного директора; все это знали, но никто не мог доказать. Без голосов Группировки Петеру пришлось бы уехать. Зато теперь клуб проиграл почти всех спонсоров Хеду, и Группировка

шла на большой риск. Рамона, владелица бара «Шкура», говаривала: «Теему, может, и не знает, что по закону, а что нет, зато, черт его дери, знает разницу между добром и злом». Возможно, она права. Группировка выступила против Кевина, звезды команды, приняв сторону спортивного директора и его дочери. Но спортивный директор сильно рисковал, ведя клуб Группировки к банкротству.

– Вы правда рассчитываете на Петера? Я видела некролог в газете, – заметила Адри.

Теему вскинул бровь:

– Может, кто-то решил пошутить?

– Или кто-то с твоей трибуны послал маляву!

– Трибуна-то большая. За всеми не уследишь. – Теему с притворной озабоченностью почесал лоб.

– Если Беньи во что-нибудь вляпается, я вас всех передую!

Теему внезапно захохотал так, что эхо загудело между деревьями.

– Со мной мало кто так разговаривает, Адри.

– Я – мало кто.

Теему прикурил следующую сигарету от предыдущей.

– Играть в хоккей брата ты научила?

– Я научила его драться.

Между деревьями снова заметался гогот Теему.

– Если вы подеретесь теперь, кто одолеет?

Адри опустила глаза. Голос сделался глухим.

– Я. Потому что я знаю запрещенный прием. Беньи не сможет сделать больно тем, кого любит.

Теему одобрительно кивнул. Похлопал ее по руке и сказал:

– Нам от Беньи на льду нужно только одно. То же, чего мы требуем от всех.

– Чтобы он выложился по полной и повеселился от души? – ядовито спросила Адри.

Теему широко улыбнулся. Адри, чуть погодя, тоже. Она знала, что имеет в виду Теему. «Победить». В этих краях никто ничего другого и не требует. Теему протянул ей конверт и сказал:

– Рамона прослышала, что вы с Суне набираете девчачью команду для пятилеток. Это – из фонда.

Адри изумленно подняла глаза. Эту маленькую кассу, «фонд», Рамона держала в «Шкуре» для завсегдатаев, которые лишились работы и не могли оплачивать счета. «Фонд» пополнялся за счет чаевых, причем на чай давали больше, чем можно предположить. Теему всегда платил за свое пиво двойную цену, потому что когда-то, когда он был маленьким и выдворил из дома одного из самых злобных дружков матери, кое-кто пришел к ним в дом с таким вот конвертом. Бить ее Теему никому больше не позволил, а став взрослым и организовав Группировку, никогда не забывал щедрости завсегдатаев «Шкуры».

– На клюшки и коньки, – сказал Теему. – Или что там еще девчонкам нужно.

Адри благодарно кивнула. Когда Теему зашагал к машине, она крикнула ему вслед:

– Слушай! Дайте Петеру Андерсону шанс! Может, он найдет способ спасти клуб!

Теему захлопнул багажник, в котором так и лежал топор.

– Я и даю ему шанс. Не дай я ему шанса, Андерсона бы уже не было в городе.

* * *

Петер со страхом выпустил дверную ручку, вынул из замка ключ и обернулся. К нему шагал Ричард Тео, одетый в черный костюм, хотя лето было в разгаре. Насколько Петер помнил, они никогда не говорили друг с другом, но он, конечно, знал, кто такой Ричард Тео. И знал, какую политику Тео проводит, и этой политики не одобрял – за агрессивность, за стремление стравить людей между собой. А главное – у Петера не раз возникало ощущение, что хоккей Тео ненавидит.

– Добрый вечер, Петер. Надеюсь, я не помешал. – В приветливости Тео было что-то зловещее.

– Я могу тебе чем-то помочь? – слегка растерянно спросил Петер.

– Нет, но я могу кое-чем помочь тебе.

– Чем же?

У политика чуть дернулись мышцы, отвечающие за улыбку.

– Я могу спасти твой хоккейный клуб. Могу дать тебе последний шанс стать победителем.

12

Я готова здесь сгореть

Все люди, посвятившие свою жизнь тому, чтобы достичь вершины, рано или поздно упираются в единственный вопрос: «Зачем?» Потому что если хочешь достичь вершины в чем-то одном, то всем остальным придется пожертвовать. И в тот первый вечер в столичном городе, когда Петер только что проиграл

главный матч своей жизни и, раздавленный, вошел в ресторан, которым владели родители Миры, она задала ему тот же вопрос: зачем?

Петер так никогда и не смог толком на него ответить, и Миру это бесило, но много лет спустя, когда они уже были женаты и у них родились дети, она вычитала у одного альпиниста цитату столетней давности. Альпинист спросили: «Почему вы захотели подняться на Эверест?» Альпинист пришел в недоумение, словно не понял вопроса, и ответил как нечто само собой разумеющееся: «Потому что он есть».

Мира тогда хорошо его понимала, ведь зачем ей понадобилось учиться в университете, если вся ее родня обходилась без университетского образования? Зачем выбрала юриспруденцию, хотя все твердили, что это слишком трудный предмет? Чего ради? Чтобы удостовериться: она может. Потому что ей хотелось подняться на этот чертов Эверест. Раз уж он есть.

И сейчас она поняла, что происходит, может быть, даже раньше Петера. Стоя в доме под дверью, она услышала достаточно из его диалога с Ричардом Тео. Муж будет искать способ спасти клуб и снова сделаться незаменимым. Как всегда. Сидя в прихожей, Мира услышала, как завелся «вольво», и в окно увидела, что Петер уезжает. Бутылка осталась неоткрытой, Мира убрала бокалы в шкафчик, кожа под обручальным кольцом, когда она легла спать, была холодной. Ночь пройдет, утром она проснется и попробует сделать вид, что все хорошо, хотя она знала, что с каждым новым днем до будущего года будет все дальше.

* * *

Петер уже несколько часов ехал куда глаза глядят. В голове вертелись одни и те же вопросы: «На что он нужен, этот хоккейный клуб? И кому? И какую цену придется за него заплатить?» Но за всеми этими вопросами таились другие. «Что я умею, помимо хоккея? Каким человеком я стану без него?»

Он всегда любил только Миру и знал, что она будет на седьмом небе от счастья, если он попросту бросит хоккей. Но в глубине души оставалось сомнение: действительно ли она будет счастлива? Когда-то она влюбилась в мужчину с мечтами и амбициями. Кем он окажется в ее глазах теперь, когда годы прошли, а он так ничего и не добился?

Рассветное солнце осветило Бьорнстад; про такие летние утра мама Петера говорила – «Будто Бог Отец пролил на деревья апельсиновый сок». Петер сидел в машине у дверей продуктового магазинчика и крутил, крутил, крутил в голове все одно и то же.

Вчера вечером Ричард Тео с места в карьер заявил ему: «Моя политика тебе не нравится, верно?» Петер, поразмыслив, ответил: «При всем моем уважении, я стараюсь держаться от тебя подальше. Ты популист». Тео кивнул; казалось, он совершенно не обиделся: «Популистом бываешь, только пока идешь к победе. Потом ты уже истеблишмент». Увидев во взгляде Петера отвращение, политик прибавил: «При всем моем уважении, Петер, политика – это про то, что мир устроен сложно. Хотя людям вроде тебя хочется, чтобы он был простым».

Петер покачал головой: «Ты играешь на противоречиях. Твоя политика провоцирует конфликты. Порождает изгоев». Политик понимающе улыбнулся: «А хоккей? Что, по-твоему, он делает с теми, кто смотрит на него со стороны? Ты хоть помнишь меня по школе?» Петер неловко откашлялся и пробормотал: «Ты вроде был на несколько классов младше меня?» Ричард Тео покачал головой – не сердито, не осуждающе, а почти смиренно: «Мы ходили в один класс, Петер».

Петер не знал, хотел ли Тео вывести его из равновесия, но получилось именно так. Когда Петер пристыженно уставился в землю, политик удовлетворенно улыбнулся и просто объяснил, зачем явился к Петеру: «У меня в Лондоне кое-какие контакты. Я знаю, какое предприятие купит фабрику в Бьорнстаде».

«Я даже не знал, что она продается...» – выдохнул Петер. Политик смиренно пожал плечами: «Это моя работа – знать то, чего не знают другие. Я и о тебе много чего знаю. И поэтому я здесь».

* * *

На следующее утро Лео проснулся в пустом доме. Мама оставила ему записку на кухонном столе: «Я на работе, твой папа в клубе, если что, звони. Если понадобятся еще деньги, возьми в комод. Мы тебя любим! Мама». Лео больше не был ребенком. Он тоже увидел слово «твой». Твой папа. А не мамин человек.

Мальчик ушел в комнату старшей сестры, закрыл дверь и свернулся на полу. Под кроватью лежали блокноты Майи, полные стихов и песен; читая их, он плакал по-разному. Иногда плакал ее слезами, иногда – собственными. Майя была не как другие старшие сестры, которые с воплями выгоняют своих младших из комнаты. Когда Лео был маленьким, его отсюда не гнали. Майя разрешила ему спать в ее кровати, перепуганному, когда они подслушали разговор родителей на кухне, горестно вспоминая Исака. Пол рядом с кроватью Майи всегда оставался для Лео самым безопасным местом в мире. Но теперь Лео стал старше, а Майя все лето сидела в лесу с Анной. Обычно Лео всегда шел за советом к Мае. А теперь не знал, у кого спросить, что делать младшему брату, чью старшую сестру изнасиловали. Или как помочь родителям, которые теряют друга друга. Или что делать с ненавистью.

В самом конце блокнота под Майиной кроватью Лео нашел текст под названием «Спичка». Он осторожно вырвал страницу из блокнота и сунул ее в карман. А потом отправился на берег озера.

Он все время расчесывал руки, яростно и глубоко. И натягивал рукава свитера до самых пальцев.

* * *

Возможно, дождливое лето в Бьорнстаде и Хеде дало наконец шанс страстям чуть остыть, но Вильям Лит каждый день исходил по?том. Тренер как-то сказал ему, что никогда не видел, чтобы хоккеист «играл с таким желанием самоутвердиться». Тренер думал сподвигнуть Вильяма на разговор о комплексах, но Вильям истолковал его слова как комплимент.

Все свое детство и отрочество он боролся за то, чтобы снова стать лучшим другом Кевина. Когда-то они были лучшими друзьями – в далеком детстве, еще когда катались на педальных машинках возле дома Кевина и играли во флорбол в подвале у Вильяма. А потом они начали ходить на хоккей, и там вдруг возник Бенни. С тех пор Кевин не становился, фотографируясь, поближе к Вильяму. Вильям как мог пытался одолеть Бенни: смеялся над его дешевой одеждой с чужого плеча, дразнил Саночником. До тех пор пока Бенни не двинул санками ему в лицо, что стоило Вильяму передних зубов и уважения раздевалки. Мама Вильяма требовала, чтобы Бенни наказали за «нападение», но клуб ничего не

предпринял.

Став постарше, Вильям пытался затмить Беньи, хвастаясь девчонками, с которыми якобы переспал, а на каждой вечеринке из кожи вон лез, чтобы казаться Кевину веселее, чем этот саночник-древолоз. Конечно, он врал; он оставался девственником дольше всех в команде. Но именно Кевин как-то вошел в раздевалку и крикнул: «Вильям! Твои девчонки ждут тебя в коридоре!» Вильям смущенно поднялся; в пустом коридоре валялась на полу упаковка из пяти пар носков. Кевин издевательски рассмеялся: «Теперь твоей маме не придется стирать каждый раз, когда тебе приспичит «переспать с девчонкой»!» Вильям никогда не забудет, как ржала тогда вся команда. И громче всех – Беньи. Годами Вильям играл под грузом желания самоутвердиться, а теперь? «Хед-Хоккей» стал для него новым стартом, шансом наконец-то сделаться лидером. Он не собирался оставаться парнем с носками.

И пока тем летом шел дождь, Вильям качался, зло поглядывая в ютубовский ролик, в котором горели красные флаги его «Хед-Хоккея». Снова и снова. Он надеялся отыскать хоть какую-то зацепку, чтобы дознаться, что за трусливый крысеныш учинил сожжение флагов, и наконец кое-что разглядел: рука, державшая в ролике зажигалку, была маленькой, рука школьника из средних классов, а когда рукав свитера задрался над запястьем, открылось располосованное, расчесанное предплечье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/fredrik-bakman/my-protiv-vas>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)